

маяк только один

УЧЕНИК ЛОЦМАНА

БОРИС
БАТЫРШИН

Борис Борисович Батыршин

Ученик лоцмана

Серия «Маяк только один», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70030465
Ученик лоцмана. Книга первая. Из цикла «Маяк только
один» / Батыршин Б.: Горизонт; Москва; 2023*

Аннотация

Девяностые годы. Молодой человек, сотрудник небольшого московского издательства, любитель научной фантастики, бардовской песни и парусного туризма проводит со своими друзьями и коллегами летний отпуск на Белом море. Во время перехода к островам Кандалакшского залива он подбирает странного человека, чрезвычайно похожего на старого моряка из приключенческих романов. И тут стартует цепочка невероятных событий, которых наш герой и представить себе не мог, иначе как на страницах своих любимых фантастических книг, а путеводной нитью среди них проходит свет далёкого маяка, который во всех мирах только один...

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

83

Борис Батыршин
Ученик лоцмана.
Книга первая
Из цикла «Маяк
ТОЛЬКО ОДИН»

*Южный Крест нам сияет вдали,
С первым ветром проснется компас.
Бог, храня корабли,
Да помилует нас...¹*

© Оформление. ООО «Издательство Горизонт», 2023

© Борис Батыршин. 2023

Часть первая

«Моряк, покрепче вяжи узлы...»²

I

...Неспокойная голубая волна

² А. Городницкий

Всё бежит, всё бежит, не кончается.

Море Белое, словно чаша вина,

На ладони моей качается...

Да, знаю, в оригинале поётся про Чёрное море. Но что я могу сделать, если сейчас за бревенчатыми стенами, в какой-то сотне метров бьются в серые покатые валуны берега волны, и мерный их плеск отзывается в дешёвенькой ленинградской гитаре едва уловимым гулом, который можно почувствовать, лишь положив ладонь на фанерную деку? Так что – да, именно Белое море, Ругозерская губа, глубоко врезающаяся в карельский берег со стороны Кандалакшского залива, где в крошечной бухточке, на высоком, избегающем к сопкам, берегу расположились домики Беломорской Биостанции МГУ, широко известной в узких кругах ББС.

Мы – я и Володя Зинченко, мой моторист и матрос, а по совместительству, ведущий дизайнер нашего издательства, сидим в предбаннике и предаёмся самому, что ни на есть, безудержному кейфу. Баня вообще-то, немаленькая – в ней по вечерам улаживают свои утомлённые тела горячей водой и мочалами сотрудники ББС и студенты Биофака, приехавшие на полевую практику. Обычно помывочные процедуры продолжаются часов до одиннадцати вечера, после чего баньку запирают – но сегодня персонально для нас сделали исключение. Мы пришли из Нильмогубы, куда возили группу второкурсников с аспирантом – собирать образ-

цы беспозвоночных. Вода там такая прозрачная, что с борта судна можно различить на дне, на глубине десятка метров маленькие морские звёзды, струящиеся многометровые чёрно-зелёные полосы ламинарий, колышущиеся в придонном течении. В толще воды висят странные прозрачно-хрустальные создания длиной примерно в палец – студенты вылавливают их сачками на длинных ручках и помещают со всеми предосторожностями в банки с морской водой.

За этим увлекательным занятием мы позабыли о течении времени – здесь, на Беломорье, ближе к концу лета сделать это особенно легко, поскольку солнце висит над горизонтом чуть ли не круглые сутки, и восемь вечера в плане освещённости мало отличается от половины одиннадцатого. В итоге на биостанцию мы пришли только к десяти вечера – пришвартовались, выпустили на пирс утомленных качкой студентов, а сами без перерыва на ужин принялись таскать из прибрежного сарайчика коробки, ящики с запасом провианта для наших «отпускников» на острове Костьян. На завтра, рано утром, «Штральзунд» отправится туда. Не самый долгий и сложный переход – подготовиться, загрузиться, долить в бак солярки, проверить масло в дизеле следовало с вечера. В итоге, когда мы, наконец, добрались до студенческой столовой и проглотили оставленный для нас дежурными девчонками-второкурсницами ужин, банька уже опустела, и пришлось долго уговаривать истопника Макарыча, чтобы он пустил двух усталых пахарей моря погреть после тру-

дового дня свои косточки. И не только паром – не имея алкогольного профита с планово омывающихся в бане студентов (сухой закон на ББС не то, чтобы строг, скорее, избирателен), он резонно рассчитывал поиметь недостающее с нас. А я что, я ничего – как говорил Александр Васильевич Суворов: «портки последние продай, а после бани выпей!» От нас подобных жертв не требуется: в шкафчике, в крошечной каютке «Штральзунда» припрятаны две бутылки буржуинского питьевого спирта «Рояль», и мы, отправляясь на берег, конечно, не забыли прихватить ту, что уже почата.

*...Я все думаю об одном, об одном,
Словно берег надежды покинувши.
Море Белое, словно чашу с вином,
Пью во имя твоё, запрокинувши...*

Гитара в моих руках умолкла. Я потянулся за стаканом и обнаружил, что он пуст. Володька встряхнул бутылку – там прозрачная девяностошестиградусная отравка плескалась на самом донце. Рядом в большом стеклянном графине ядовито желтела заправка, набодяженная из трёх пакетиков лимонадного порошка «Зуко» – вся наша роскошь на сегодняшний вечер, если не считать открытой банки с килькой в томате и половины буханки серого хлеба, накромсанного толстыми неровными ломтями.

Нет, не подумайте, что мы вчетвером (компанию нам составили две нимфы-лаборантки, закутанные в экономные

простынки) вот так, с ходу одолели три четверти литра чистого – почти половину пришлось отлить упомянутому Макарычу, и теперь Володька, под обиженными взглядами «собутыльниц» разливал оставшиеся крохи огненной воды по стаканам.

Нет, это никуда не годится – так хорошо сидели, и на тебе!.. Я отложил гитару и зашарил в поисках одежды, более существенной, чем махровое полотенце, обмотанное вокруг чресл.

– Сиди уж... – буркнул Володька и встал. Полотенце его при этом свалилось на пол, вызвав хихиканье нимф. Но он не обратил на это внимания – натянул на голяк брезентовые рабочие штаны и босиком пошлёпал к выходу.

Баня была спланирована по-дурацки: чтобы попасть на улицу из маленькой «комнаты отдыха», где мы предавались излишествам нехорошим, надо было миновать помывочную, а потом и предбанник. Туда-то и направился мой напарник, а парой секунд спустя из-за двери донёсся гулкий шлепок, болезненный вопль и рассыпчатая матерная тирада.

В помывочной нашим глазам (нимфы, разумеется, кинулись вслед за мной) предстало прискорбное зрелище: Володька сидел на залитом водой кафельном полу и обеими руками держался за голень. Обмылок, на котором он поскользнулся, валялся рядом, в большой луже.

– Кажется, ногу сломал. – виновато сказал он. – Помогите добраться до медпункта, а?

Я, кажется, не представился? Меня зовут Сергей, Сергей Баранцев. Москвич, неполные двадцать восемь лет, закончил один из столичных технических ВУЗов по специальности, которая не имеет ни малейшего отношения к тому, о чём дальше пойдёт речь. Ещё в школе увлёкся фантастикой – перечитал всё, до чего смог дотянуться дома, у многочисленных приятелей и даже в читальном зале столичной Некрасовской библиотеки, куда специально записался специально ради этого. Параллельно занимался всякой ерундой – с точки зрения моих родителей, разумеется: ездил на слёты КСП, занимался в институтской парусной секции, и даже приобрёл на деньги, заработанные в стройотряде после третьего курса парусный разборный катамаран. На нём я каждое лето выбирался сначала на Московское море, потом на Селигер, Ладогу, а там дело дошло и до вылазок посерьёзнее, вроде Белого моря. Катамаранами, впрочем, дело не ограничилось: вместе со своими друзьями по московскому КЛФ-у (если кто не в курсе, это расшифровывается, как «Клуб Любителей Фантастики») я совершил несколько походов на ялах – больших парусных шлюпках, оснастка которых, как мне объяснили, не менялась последние лет двести. Эти парни руководили подростковым парусно-туристическим кружком, так что уже к концу первой полуторанедельной вылазки я управлялся с раритетными снастями и тяжёлыми вёслами, рукоятки которых были залиты для баланса свинцом, не хуже их несовершеннолетних подопечных.

Время шло; институт я закончил и даже год поработал по распределению в одном из московских «ящиков» — так неформально именовались разного рода секретные НИИ, работавшие на нужды обороны. Страна успела измениться до неузнаваемости: сначала грянула перестройка с её антиалкогольной кампанией, кооперацией и прочими радостями демократизации и ускорения. Что до меня, то я к тому времени успел накопить немалый опыт в «самиздате», и не в том его сегменте, что был посвящён Солженцыну, Шаламову, «Доктору Живаго» и прочим светочам демократии — а в другом, тиражировавшем на тех же полупрозрачных листочках под множество слоёв копирки шедевры западной фантастики в самопальных переводах: «Звёздных королей» Гамильтона, «Дюну», Фрэнка Херберта, «Хроники Эмбера» Роджера Желязны, толкиеновского «Властелина Колец», причём в полном варианте, все три книги, а не только вышедшие в 83-м в ДетГИЗе «Хранители», и много ещё чего другого. Особых гешефтов я на этом полуподпольном бизнесе не поимел, да и не стремился — занимался подпольным книгоиздательством для того, чтобы иметь возможность самому читать без особых затрат. Но теперь, когда понятия о законности неожиданно сместились, и книгоиздательство из государственной монополии и столпа идеологии неожиданно сделалось вотчиной кооператоров — я сбежал из своего «ящика» и очертя голову кинулся в мутный омут нарождающегося книжного бизнеса.

Чего только не выпало на мою долю: и лотки на Кузнецком мосту, где торговали полукустарными изданиями на скверной бумаге и с ещё более скверными переводами; и пересылки пачек книг из алма-атинских, ташкентских и кишинёвских издательств с проводниками плацкартных вагонов, и торговая точка на стадионе «Динамо», превращённом в оптовый книжный рынок. Каюсь, закрутившись в этих своих заботах, я совершенно пропустил и разгул демократии конца восьмидесятых, и путч девяносто первого, и танки на Тверской и последовавший за всем этим крах СССР. В итоге, претерпев несколько обидных фиаско на коммерческом поприще, едва не лишился за долги квартиры, к девяносто третьему я прочно осел в одном из только-только народившихся частных издательств. Здесь и начинается дорожка, приведшая меня через небольшое совсем время в баньку на берегу Ругозерской губы Кандалакшского залива Белого моря.

Издательство, носившее название «Аргус», было совсем маленькое и занимало один этаж неприметного особнячка где-то в районе Новосущёвской улицы. Коллектив на две трети состоял из хорошо знакомых друг с другом людей – по большей части, выпускников МГУ, по большей части, Физфака и Биофака. Я был в этом сообществе своего рода белой вороной, прибившись туда благодаря старым КСП-шным знакомствам – однако, неплохо вписавшийся в эту весьма своеобразную среду. Как это ещё случалось в нача-

ле девяностых, директор и владелец издательства был полон прекраснодушных идей насчёт коллектива единомышленников, общих целей, заключающихся в издании самых качественных книг с наилучшей редактурой, замечательно оформленных, уложенных в тщательно подобранные серии. И никакой погони за прибылью, а одно только стремление нести разумное доброе, вечное – продолжать, или сами дополните список? Всякий, кто хотя бы в общих чертах помнит состояние тогдашнего книжного рынка, сразу скажет, что всё вышеперечисленное есть верный путь к разорению. Так, в итоге, надо полагать, и вышло бы; однако некоторое время «Аргус» вполне себе безбедно существовал и действительно выпускал замечательные книги. Сборники поэтов-бардов, сказки и мифы в чудесных иллюстрациях, отечественные фантасты вроде мало кому известных тогда Лукьяненко и Олди – а ведь это мы, помнится, чуть ли первыми выпустили «Путь меча», «Рыцарей сорока островов» и «Лорда с планеты Земля»...

Издательство, как я уже упоминал, было маленьким, камерным, сотрудники в массе своей люди молодые, неженатые, не растерявшие пока романтических иллюзий – соответственно, и нравы там царили самые, что ни на есть, дружеские. Каждый занимался тем, что под руку попадалось – мне, например, кроме основных обязанностей редактора приходилось одно время заведовать складом готовой продукции. Свободное время нередко проводили вместе, и не в

буйных вечеринках с саунами, водкой и девицами не самого нравственного поведения, а в традициях своей студенческой юности: на КПШных слётах, бардовских концертах-квартирниках и, конечно, в турпоходах, в том числе, водных. Во время одного из кратких периодов благоденствия гендиректор Аргуса» Лёша Волков вбухал немалую часть заработанных деньги – куда бы вы думали? Нет, не в новую иномарку, не на личный банковский счёт, и даже не в расширение дела – а в приобретение на судоверфи в беломорском городке Соломбала двух прогулочных парусномоторных ботов «СОЛ-860». Эти небольшие, но ладные судёнышки, длиной одиннадцать метров с практическим водоизмещением около пяти тонн, несущие кроме слабосильного дизелька ещё и парусную оснастку, стилизованную под старину, строились на основе проекта беломорского рабочего баркаса типа «дори», и вмещали по пять-шесть человек команды и пассажиров. Стояли купленные дорки на Беломорской биостанции МГУ, знаменитой ББС, где у многих наших имелись прочные дружеские, а то и семейные связи – и согласно директорской задумке именно там должны были проводить летние отпуска большая часть сотрудников. Так оно и получалось уже два года подряд: к концу июля издательство вымирало, и вся наша братия во главе с гендиректором отправлялись на Белое Море наслаждаться жизнью – как это следует делать в понимании советского интеллигента разлива восьмидесятых годов. То есть: парусные походы, песни под гитару, рыбалка,

грибы и ягоды на бесчисленных островах-лудах Кольского берега, и прочие удовольствия.

Вот и сейчас, пока мы предаёмся излишествам в баньке, наши «отпускники» сидят на островке Костьян, самом, наверное, примечательном и живописном в проливе Великая Салма. Место это, и впрямь, замечательное – берег собственно Костьяна нависает над узким проливом скальной стеной высотой с шестиэтажный дом; если подняться наверх, то взорам твоим откроется потрясающий вид, и к тому же, можно будет утолить жажду чистойшей дождевой водой, скапливающейся в каменных ваннах. Противоположный берег безмянного островка прогибался крошечной бухточкой, оконтуренной песчаными пляжами, и если переплыть туда на резиновой лодке – можно вволю побродить в отлив по серому песку литорали, поковырять палкой песчаные пирамидки червей-пескожилов, пособирать для дальнейшего высушивания на нагретых солнцем валунах морские звёзды.

На самих островах черники; вдоль кромки воды, там, куда доходит прилив, волны выбрасывают на сушу брёвна, вынесенные в Белое море Северной Двиной. Древесина их за долгие годы и даже десятилетия превратилась в труху, и на этом питательном слое произрастает уйма подосиновиков – их столько, что мы в какой-то момент стали брать только шляпки. А если зайти подальше вглубь острова, то в поросших сосенками низинках между каменными замшелыми лбами попадаются полянки лисичек, эдакие рыжие лужицы,

и с парочки таких можно заполнить доверху ведёрко. Так что отпускники наши оттягиваются от души: гуляют, рыбачат, собирают грибы, ягоды, вечерами поют у костра под гитару. А я с удовольствием выполняю при них функции извозчика на одной из дорок, «Штральзунде» (вторая в соответствии с известной балладой, носит имя «Сполох») хожу на ББС и в Пояконду, перевозя тех, у кого отпуск закончился или, наоборот, новоприбывших, а так же доставляю припасы. Вот, как сейчас, когда в трюме «Штральзунда» дожидаются завтрашнего рейса два мешка картошки, ещё один, бумажный, на двадцать кило, с вермишелью, рогожный мешок, полный кирпичей рыхлых серого хлеба местной выпечки. Ещё был ящик китайской тушёнки «Великая стена» и, конечно же, дюжина литровых бутылей упомянутого «Рояля».

Спирт, надо сказать, я вёз не только и не столько для употребления внутрь (народ в «Аргусе» подобрался на удивление непьющий), сколько в качестве обменного фонда при расчётах с местными рыбаками. У них мы брали треску в бочонках, слоями переложенных каменной солью и лаврушкой, и свежеподсолённую горбушу. Эти деликатесы и составляли вместе с грибами основу нашего белкового рациона – остродефицитную тушёнку везли больше по инерции, для немногих имевшихся противников рыбного меню.

И вот, называется, сходили, доставили провиант! Володька угодил на больничную койку всерьёз и надолго – ББСовская врачиха после краткого осмотра покачала головой и за-

явила, что голень сломана в двух местах, причём один из переломов очень скверный, и пациента требуется срочно доставить в райбольницу, в Кандалакшу. Что ж, требуется, так требуется – туда раз в три-четыре дня бегал катер-буксир, приписанный к ББС, о Володьке позаботятся. Но груз на острова следовало отвезти чем скорее, тем лучше – вторая наша дорка, «Сполох» стоит в Пояконде на переборке дизеля, имеющаяся на «Штральзунде» рация до Костяна не добивает, а мы и так уже задержались на сутки с лишним, выполняя просьбу ББСовского начальства сходить со студентами в Нильмогубу, на отбор придонной живности. Лёшка Волков, надо полагать, уже начал волноваться, так что идти, несмотря на недокомплект личного состава всё же придётся. По хорошему, дорке требуется не меньше трёх человек команды, и можно, конечно, поискать добровольцев среди студентов. Таковые, несомненно, найдутся, ещё и очередь выстроится из желающих, да доцент, руководитель студенческой практики наверняка пошёл бы навстречу, отпустив счастливика денька на три-четыре. Но, увы, подходящей кандидатуры вот чтобы так, с ходу, у меня не было, а брать кого попало не хочется, себе же дороже выйдет...

Ну, это не беда, случалось мне ходить на дорках и в одиночку – не самое простое занятие, но днём, в хорошую погоду, если ещё и не ставить паруса, а обойтись дизелем, справлюсь. Местный фарватер, весьма переменчивый из-за приливных и отливных течений, я выучил неплохо – к тому

же наиболее хитрые места были, как положено, обставлены вешками и створовыми знаками в виде обрешеченных деревянных пирамид и треугольников, высящихся на берегу.

Всё, решено, иду! Я попрощался с нимфами – чуть более, чем братский поцелуй (увы, сейчас мне не до любовных утех, надо выспаться хорошенько) – и я, зажав под мышкой гитару, бреду, мурлыча под нос недопетую давеча песенку, к пристани – там, на мелкой приливной зыби покачивается и поскрипывает кранцами о края пирса верный «Штральзунд».

*...Неизменное среди стольких морей,
Как расстаться с тобой, не отчаяться?
Море Белое на ладони моей,
Как баркас уходящий, качается...*

Ну, люблю я Окуджаву, что тут поделаешь!..

II

Вежа, почерневший от времени и воздействия окружающей среды шест, наискось торчащий из воды, неторопливо удалилась назад – между нею и правой скулой «Штральзунда» осталось не больше метра чистой воды. Судя по остаткам ещё сохранившейся разметки, прилив сегодня довольно высокий и находится на самом пике. Это неплохо – приливные течения в салмах (так на Беломорье называют про-

ливны между бесчисленными островками и материком) сейчас ослабли, глубина на фарватерах наибольшая, а значит, риск сесть на мель минимален. Если, конечно, не зевать, и в точности следовать указаниям карты и навигационных створовых знаков, то и дело мелькающих по берегам. Что я и делал, причём весьма старательно, поскольку меньше всего мне хотелось сейчас подобных приключений. Конечно, скорость у дорки невелика, узлов семь от силы, и днище скорее всего, не повредишь, но если киль увязнет в донном песке, и не удастся сразу же, дав задний ход, освободиться – всё, пиши пропало. Придётся в течение многих часов дожидаться нового прилива, который снимет увязшее судно с мели – а перед этим надо будет ещё и выпрыгнуть за борт и по грудь в воде подпирать судно с боков специально подготовленными на такой случай жердями. Если не сделать этого – на пике отлива дорка ляжет на борт, а подобные фокусы никогда не заканчиваются ничем хорошим – срывается с мест всё, что не было прикручено, приколочено или привязано; перемещаться по палубе можно лишь на четырёх точках, на обезьяний манер. И к тому же, стоит подняться хотя бы небольшой волне – беспомощное, подобное выброшенному на берег дельфину, судёнышко начинает нещадно колотить и швырять о песок и донные камни.

Установить подпорки в одиночку нелегко; вода даже сейчас, в конце июля, прогревается в лучшем случае градусов до десяти, а провести в ней придётся часа полтора. Единствен-

ный шанс не свалиться после этого с жесточайшей простудой – как можно скорее переодеться в сухое, выцедить полную кружку коктейля «Кровавый Мороз» (адская смесь спирта «Рояль» и кетчупа, приправленная четвертью ложки молодого красного перца), и завалиться в каюту спать – благо, заняться до прилива всё равно нечем.

Но я отвлёкся. Итак, сначала из-за редких сосенок, выплыла решётчатая пирамида высотой примерно в два человеческих роста, сколоченная из узких реек. Вскоре появилась и вторая, метрах в ста в глубине острова, на высоком каменном лбу. Как и первая, эта пирамида когда-то была выкрашена чёрными и белыми полосами, но теперь, облупившись под действием беломорских дождей и ветров, приобрела равномерный грязно-серый цвет.

Так, теперь важно не пропустить момент. Я выждал, когда нижняя и верхняя пирамиды совместились в линию, так, что одна стала точно над второй, и налёг на румпель. Обычного штурвала в виде колеса с рукоятками на дорке нет – большим деревянным пером руля управляют при помощи длинного изогнутого коромысла, в который рулевой обычно упирается пятой точкой и правит непринуждёнными движениями бёдер. Так и поступил сейчас, отчего нос «Штральзунда» быстро покатился влево. Я чуть подправил курс так, чтобы пирамиды удерживались на одной линии – это называется «состворенными» – и бросил взгляд на карту.

Если кто-то полагает, что это нормальная судоходная кар-

та, с отмеченным крестиками шельфом, проставленными глубинами и прочими навигационными премудростями – то он слишком хорошо о нас думает. Нет, это всего лишь лист бумаги, на котором то карандашом, то ручкой старательно нанесены конфигурации фарватера, контуры луд (так тут называют небольшие островки, порой лишь каменные плечи, целиком уходящие под воду во время прилива) и, конечно, линии близкого берега. Вехи и створовые знаки нанесены на эту карту с особой тщательностью пачка таких листов, запаянных при помощи электрического утюга в полиэтилен, и составляет «лоцию» – а вместе с простеньким туристическим компасом и биноклем «Беркут-10», продукцией Салаватского оптикомеханического завода, весь наш набор навигационных инструментов. Никаких тебе радиолокаторов, эхолотов и прочих технических премудростей, а из иных источников знаний – только книга англичанина Боба Бонда, что хранится в каюте, на особой полочке рядом с толстым томиком «Моби Дика» из «Библиотеки всемирной литературы». В свободное время я частенько листаю этот справочник, оставляя бессмертное творение Германа Мелвилла на вечер, когда удаётся выкроить полчаса перед сном.

Была, правда, ещё рация, даже две. Одна армейская, переносная, в зелёном металлическом ящичке, с длинной коленчатой антенной, а другая – пластиковая мыльница японского переговорника «Панасоник», составлявшая нашу гордость. Армейская рация почти работала – то есть её можно

было заставить действовать, но это выходило далеко за рамки моего знакомства с радиоделом. Японская же игрушка плохо ловила среди луд и береговых сопок, а потому практически всё время приходилось обходиться без связи. Я не жаловался – привык, и даже находил в этом некую прелесть. Молчащие рации лишний раз подчёркивали почти полную оторванность от цивилизации – можно было идти вот так час, два, сутки, и за это время не встретить следов человеческой деятельности, за исключением редких низеньких избушек рыбаков, сколоченных из жердей рам, на которых сушат ламинарии, да упомянутых уже вех и створовых знаков. Кое-где попадались высокие, потемневшие от времени кресты, так же обозначенные в нашей «лоции». Стоят они всегда на открытом месте, тщательно закреплённые пирамидами из мелких валунов. Впервые увидав крест на берегу, я решил, что это своего рода знак, отмечающий место, где кто-то утонул, разбился на камнях – вроде тех сваренных из водопроводных труб крестов, что нет-нет, да и встречаются на обочинах шоссе. Оказалось, нет; кресты эти спокон веку играли роль именно навигационных знаков; по ним местные рыбаки и прочий водоплавающий люд ходил ещё в те времена, когда здесь плавали ладьи новгородцев и парусные карбасы поморов.

Как раз один из таких крестов открылся мне справа по борту в полном соответствии с «лоцией», когда я, приблизившись к паре створовых знаков, уже собрался переложить

румпель – и в этот самый момент заметил на берегу человека, размахивающего большой белой тряпкой.

Побережья и многочисленные островки Кандалакшского залива, как и морские тропки, их разделяющие – это вам не подмосковное шоссе, где можно, и даже порой показано здравым смыслом пролететь мимо голосующего на обочине человека. Нет, тут порядки другие: если машет кто-то с берега, и не с материкового, а с островка-луды – значит, в самом деле надо. И твоё дело маленькое: заглушить движок, остановиться и поинтересоваться, в чём дело и не нужна ли человеку помощь. Отказывать или требовать плату здесь не принято, хотя если «голосующий» сам предложит что-то (как правило, не в денежном, а в товарном выражении, скажем, пачку сигарет, банку консервов или полбутылки «беленькой») – не откажутся, поблагодарят. А в последнем случае, скорее всего, совместно и употребят подношение.

Причины подобного «автостопа» могут быть самые разные: от настоящей необходимости передать что-то куму в деревне за соседним мыском, до самого настоящего несчастного случая – скажем, лодка перевернулась, напарник ногу сломал, или какой-нибудь приступ аппендицита ни с того, ни с сего свалил человека с ног. В подобных случаях единственная надежда на проходящие мимо лодки и суда – и попробуй только не остановись! Секретов здесь нет, весть о неблагоприятном поступке быстро разнесётся по всему побережью,

и нарушитель этикета рискует столкнуться с весьма неприятными проявлениями общественного осуждения – от угрюмого взгляда и отказа в мелкой просьбе, до прямого мордобоя. И в любом случае, отношение к вам будет не как к личному человеку, а как к типу сомнительному и насквозь ненадёжному, и чем быстрее уберётся такой отсюда, тем лучше – а пока стоит держаться от него подальше.

В общем, я заглушил дизелёк (дорка не остановилась, а продолжила неторопливо дрейфовать, увлекаемая приливным течением) выбрался из углубления кормового кокпита, предназначенного для рулевого, и встал в полный рост у низеньких лееров, держась за ванты.

– Тебе чего, дядя? Стряслось что, помощь нужна?

Человек на берегу что-то крикнул в ответ, но что именно, я не расслышал. Ветер к тому моменту уже разошёлся баллов до трёх, и хоть в салме, прикрытой от его бега грядой невысоких островков-луд, движение воздуха ощущалось слабо, сосёнки и кривые берёзки на берегу шумели так, что напрочь заглушали слова. Я поднял к глазам бинокль – на разделявшей нас дистанции в полторы сотни метров «Беркут» со своим десятикратным увеличением позволял разглядеть незнакомца во всех деталях, словно бы я не торчал сейчас на палубе дорки, а сидел напротив него, скажем, за столиком в кафе.

Итак. Крепкий мужчина среднего роста, с и короткой шкиперской, на норвежский манер, бородкой, седой, но с

редкими, почти чёрными прядками. На глаз ему было лет пятьдесят пять; тёмное, словно выдубленное ветрами лицо не позволяло уверенно определить возраст – с тем же успехом ему могло быть и сорок пять, и шестьдесят. По внешности – типичный беломорский рыбак, даже, пожалуй, слишком типичный, словно сошедший со страниц книжки. В особенности, одежда: рыбацкие сапоги-бахилы (кожаные, отметил я, не резиновые, изрядная редкость!) просторная парусиновая куртка растёгнута, под ней виден свитер вроде водолазного, с широким воротником, прикрывающим шею. Больше всего удивил головной убор – самая настоящая шляпа-зюйдвестка, как их рисуют в детских книжках про морские приключения, и, насколько мне помнится, вживую я здесь таких ни разу не встречал. Сигналы в мой адрес он подавал, размахивая большой белой тряпкой – интересно, где только её взял? Если это майка или, скажем, портянка, тогда стоял бы в куртке на голое тело или без одного сапога... разве что, заранее заготовил, на случай, если кто-то проплывёт мимо? Но тогда логично было бы развести ещё и костёр, чтобы уж точно заметили...

Всё это я додумывал уже на ходу. Подходить к берегу ближе не хотелось – здешних глубин я не знаю, а чтобы подползти на дизеле с промерами, нужен кто-то на носу, с мерным шестом. Так что я сбегал на нос, сбросил в воду маленький якорь, подождал, когда судно снесёт немного течением, подёргал якорный канат, чтобы убедиться что лапы надёжно

взяли дно, и стал спускать на воду надувную лодку. Обычно мы таскали её на буксире, но вчера вечером я поднял посудинку из воды и закрепил на крыше рубки, и вот теперь пришлось повозиться несколько лишних минут. Впрочем, не беда – я убедился, что якорь держит (по-хорошему надо бы отдать и второй, с кормы, ну да ладно, сойдёт и так...) спустил в резинку пару коротких вёсел из дюралевых трубок с пластиковыми лопастями, слез сам и, оттолкнувшись от борта, погрёб к берегу.

Вблизи «голосующий» оказался таким же, как и издали, разве что, получше можно было разглядеть плачевное состояние его одежды – вся в прорехах, причём часть дыр была грубо, но умело заштопана толстой парусной нитью. Дополняла картину печать застарелой усталости на выдубленном морскими верами лице, а когда он протянул мне руку и ответил – в речи его явственно угадывался акцент, определить происхождение которого я был не в состоянии. Нам приходилось общаться с норвежскими и шведскими моряками, манера речи жителей страны Суоми тоже была мне знакома – но нет, здесь не было ничего похожего. Акцент был европейским, это да... испанский? Португальский? Может, какая-нибудь экзотика, вроде валлийского или языка Страны Басков? Понятия не имею, но согласитесь: встретить подобную лингвистическую аномалию здесь, на островах Белого моря, да ещё и в исполнении столь колоритного и не по-

хожего на обитателя Пиренеев персонажа – такое способно поставить в тупик...

Сама беседа тоже оставила больше вопросов, чем ответов. Незнакомец не отреагировал ни на одно из названий близлежащих островов или населённых пунктов; все мои попытки узнать, как он оказался на острове, да ещё в столь плачевном состоянии, наткнулись на невнятное бормотание, сводившиеся к повторяемому каждый раз вопросу: «Вы можете забрать меня отсюда, капитан?» Капитаном он упорно именовал меня, и это тоже было непривычно, отдавая приключенческим романом в стиле Жюль Верна или Джека Лондона, но уж никак не беломорской действительностью 1993-го года. Имя своё назвать он тоже не удосужился – всякий раз, когда я спрашивал, он словно бы не слышал, перескакивал на что-нибудь другое.

...Странно? Ещё как!..

Но все эти странности мало что меняли. Ясно было, что незнакомец, кем бы он ни был, попал в беду, может, даже потерпел кораблекрушение – в стороне, возле береговых валунов, я заметил измочаленный остов небольшой шлюпки. Что там случилось у него с головой, какие трансформации претерпела психика (всё остальное на первый взгляд у него было в порядке) – это не мне разбираться. А пока – не мог же я бросить этого бедолагу на острове, одного и, скорее всего, без припасов? Поэтому я бросил бесполезные расспросы, сообщив, что раз уж так получилось, то заберу его с собой, на

Костьян. Это недалеко, объяснил я, за пару часов дойдем; на острове люди, есть врач, он вас осмотрит, а там посмотрим.

Насчет врача – это громко сказано; Лёшкина жена Катя до поступления на биофак выучилась на фельдшера и даже несколько лет работала в «Скорой помощи», и успешно закрывала потребности нашего коллектива по части походно-полевой медицины. Пусть отсмотрит моего найдёныша, решил я, а там и в самом деле, видно будет...

Я сделал приглашающий жест, указывая на надувнушку – и тут незнакомец снова меня удивил. Он повернулся к кустам, резко свистнул, и на зов оттуда выскочила собака. Она была похожа на западно-сибирскую лайку – небольшие, белая с серо-дымчатым чепраком, стоячими ушками и хвостом, загнутым в колечко. Коротко тьякнув в ответ, собачонка без церемоний запрыгнула в лодку и уселась между банками. На меня она внимания не обратила – один раз только глянула и сразу перевела преданный взгляд на хозяина.

Я недоумённо поднял брови, рассчитывая на объяснения, но их не последовало. Ну... не бросать же собачендру одну на острове? На такую жестокость я способен не был – а потому мы вдвоём взялись за пропущенный вдоль бортов шнур, сдёрнули надувнушку с песка (собака при этом ещё раз тьякнула и улеглась на дно лодки, положив морду на подобранные лапы), забрались сами. При этом незнакомцу пришлось полу своего брезентового плаща, и я увидел на ремне поясе что-то вроде поясной кожаной сумки – тонкой работы, укра-

шенной тиснёным узором и снабжённой позеленевшими от морской воды медными застёжками и такими же медными ободками по кромкам. Крышка её украшала накладная чеканная фигура, тоже медная; в изображении я, приглядевшись, узнал стилизованный силуэт кальмара с хвостом, похожим на зазубренный наконечник копья и, раскинутыми в стороны усаженными присосками щупальца. Форму сумочка имела полукруглую, размер позволял вместить парочку не слишком толстых книг обычного формата или, скажем, несколько алюминиевых тарелок, вложенных одна в другую. Вещь была крайне необычной, и так же слабо вязалась с прочим обликом «спасённого» – подобным изделиям место на фестивале ролеви́ков-толкиенистов или исторических реконструкторов, которые начали с некоторых пор появляться на просторах нашей родины, но уж никак не на поясе беломорского рыбака...

Пока я гадал над очередной странностью, незнакомец устроился на центральной банке, потрепал собаку по загривку (та довольно заурчала в ответ и лизнула его руку) и взялся за вёсла. Я одобрительно кивнул – есть желание, пусть гребёт, препятствовать не буду – и ткнул пальцем в покачивающийся метрах в двухстах от берега «Штральзунд».

III

Остров Костьян vyplыл и-за береговой сопки пример-

но через полтора часа – высокий, изломанный, в отличие от плоских луд, которыми изобиловали прибрежные проливы-салмы. Дошли мы несколько быстрее, чем я ожидал, и всё благодаря моему новому попутчику: посидев с четверть часа без дела, он предложил поставить в помощь движку паруса. «Ветер попутный, – сказал он, – побежим быстрее, а со снастями управиться помогу.» Я согласился – остаток пути предстояло проделать без метаний по вехам и створовым знакам, почти по прямой, одним, левым галсом, а ветерок, разошедшийся баллов до четырёх, задувал в полный бакштаг, веселя мое сердце убеждённого марсофлота.

«Штральзунд», как и прочие боты серии «СОЛ-800» нёс на двух своих мачтах парусное вооружение гафельного кеча, состоящее из четырёх парусов. Основной, грот, верхняя и нижняя шкаторины которого крепились к гафелю и гикю; большой стаксель в виде узкого треугольника, острым концом обращённого вверх и ставящийся на грота-штаге, снасти, оттягивающей к носу грот-мачту; кливер, который полагалось ставить на штаге, идущем от топа мачты к кончику бушприта, и наконец, вспомогательная бермудская бизань, которую ставят довольно редко, только когда предстоят частые лавировки при слабом ветре. Сейчас я решил обойтись гротом и стакселем, о чём и сообщил попутчику. Он кивнул и на удивление ловко взялся за дело: распустил штертики, притягивающие гафель вместе с уложенным складками парусом к гикю, в три рывка выбрал грота-фал, подтянул по-

выше гафель. Грот, трапезиевидный парус площадью примерно в пятнадцать квадратов заполоскал, перекинув гик на подветренный борт, пока «попутчик» не выбрал втугую топенант-гик и грота-шкот. Вообще-то на яхтах современной постройки для этого служат особые лебёдки, экономящие силы и позволяющие при необходимости работать одной рукой – но «Штральзунд», как и его систер-шип был оснащён с претензией на стиль «ретро», а потому снасти приходилось тянуть по старинки, а крепить на обычные деревянные утки и кофель-нагели. Незнакомец управился с этим в несколько движений, и я не мог не оценить его опыт в обращении с парусной оснасткой и особенно искусство в вязании узлов – они словно сами возникали под его заскоружеными жёсткими даже на вид пальцами.

«Штральзунд» вздрогнул всем корпусом, накренился на правый борт и пошёл быстрее – энергия ветра прибавилась к невеликим лошадиным силам дизелька. Я одобрительно крикнул и убавил обороты.

Выбрав слабину так, чтобы полотнище грота не полоскало, попутчик взялся за стаксель и обошёл с ним так же быстро и умело. Закончив, он завёл оба шкота на утки и уселся на наветренный борт, причём место он выбрал так, чтобы иметь возможность видеть, что происходит у нас по курсу – мне-то обзор закрывала рубка и задранный полубак с бушпритом и висящей под ним верёвочной сеткой. Что ж, предосторожность нелишняя – отлив уже в самом разгаре,

и не хватало ещё налететь на полном ходу на притаившийся под водой камень, или притопленное бревно, из числа тех, что десятками тысяч выносит каждый год в море Северная Двина. Впрочем, торопиться особо некуда – «Штральзунд» весело бежит в нужную сторону, никаких видимых препятствий не было, и я уже начал прикидывать, как лучше будет заходить в бухточку за островом, где располагалась наша якорная стоянка. Пожалуй, стоит обогнуть Костьян мористее – так получится слегка дольше, но зато не придётся лавировать среди луд, во множестве рассыпанных под берегом, обращённым к материку. И тогда можно будет, выйдя на открытый простор, обращённый в сторону залива, сделать поворот оверштаг, потом привести к ветру – и добежать до места красуясь собой, в крутой бейдевинд, с сильным креном, неся на форштевне высокий белопенный бурун. Я ещё раз прикинул расстояние и направления ветра и течений: так, этим галсом мы будем идти ещё четверть часа, а потом надо готовиться к повороту. Учитывая недостаток рабочих рук на судне – операция не самая простая. Но беспокоиться не о чем, новый, временный член команды уже продемонстрировал свою квалификацию...

– Вижу, вам приходилось ходить на парусных судах? – спросил я, вынужденно повысив голос – приходилось перекрикивать громкое шипение и барабанные удары волн в деревянный корпус. – На крейсерских яхтах, или на чём-то посерьёзнее?

– Мне на всём приходилось ходить. – отозвался он. «Штральзунд» как раз вырезался за Костьян, и ветер резко зашёл к норду. Грот захлопал, заполоскал, я налёг пятой точкой на румпель, а мой попутчик принялся торопливо выбирать шкоты. Теперь мы шли по-прежнему, левым галсом, но гораздо круче к ветру – соответственно, увеличился крен, и волны нет-нет, да захлёстывали планширь.

– А это что там, маяк? – внезапно спросил он и вытянул руку в сторону дальнего берега. Собака при этом его жесте выскочила на крышу рубки и сделала в указанном направлении стойку – точь-в-точь, как сеттер на дичь, ушки торчком и даже свёрнутый бубликом хвост немного распрямился, и нервно подрагивает. Я пригляделся – вдали, на фоне острова Великий, что отделяет Великую Салму от Кандалакшского пролива, мигала крошечная световая точка.

– Маячный буй, автоматический. – я искоса глянул на карту, которая лежала на откидном столике, придавленная пружинным зажимом, буй был помечен на ней красным крестиком с трёхзначным номером. – Отмечает судовой ход для крупнотоннажных судов. Ходя тут иногда до Пояконды и обратно... хотя, какие они крупнотоннажные, смех один. Вот в Кандалакшу здоровенные дуры тянутся, но не здесь, далеко, по ту сторону островов.

Он помолчал несколько секунд, словно оценивая сказанное, проверил, надёжно ли крепится на утке шкоты, и полез под полу плаща – в ту самую замеченную мною давеча пояс-

ную сумочку. Наощупь открыл и, зацепив тремя пальцами, извлёк на свет небольшой предмет, блеснувший на солнышке хрустальным оптическим стеклом и полированной тёмной, старинной даже на вид, бронзой.

Я собрался, было спросить, что это такое, но тут стало не до вопросов: «попутчик» пристроил непонятную штуку на колене (теперь она всё больше напоминала старинную астролябию) и стал ловко перещёлкивать лимбы, то проворачивая на несколько делений, то совмещая с подвижными выступами, то бросая зачем-то взгляд на неяркое солнце. Подожду, что будет дальше, решил я, вытягивая всё же шею, так чтобы лучше разглядеть все эти необычные манипуляции, сопровождавшиеся звонкими металлическими щелчками.

«Попутчик» первым прервал молчание, нарушавшееся до сих пор только шипением воды у скулы да тоскливыми криками чаек.

– Вам, случайно, не известны наши нынешние координаты? Желательно, как можно точнее?

Я едва не поперхнулся от неожиданности.

– Только Костьяна. Шестьдесят шесть градусов двадцать девять минут сорок... нет, сорок одна секунда северной широты, Тридцать три – двадцать три и... то ли пятнадцать, то ли семнадцать секунд восточной долготы. Точнее, извините, не знаю, тут на карте стёрто...

Думаете, я помнил координаты Костьяна наизусть? Как бы не так – просто Лёша Волков, набрасывая на меня кро-

ки, зачем-то пометил их совсем уж крошечными цифирками ниже названия островка. На моей памяти они понадобились впервые – и, что характерно, не мне.

– Благодарю.

Новая серия металлических щелчков. «Попутчик» всмотрелся в испещрённые неразличимыми с такого расстояния значками металлические кольца и ползунки, удовлетворённо крякну и убрал «астролябию» в поясную сумочку. Когда он снова заговорил, голос его был сухим, резким; незнакомый акцент усилился ещё больше.

– Поворачивайте на маячный буй. – сухо распорядился он. ...вот-те – нате, хрен в томате!..

– Это с какого такого перепугу? – осведомился я. – Нам к тому берегу не надо. Сейчас вот увалимся под ветер и пойдём в проливчик между Костьяном и во-он теми маленькими островками.

И для убедительности махнул рукой.

– Мне надо. – голос стал ещё суше, резче.

– Вам надо – вы и добирайтесь, А меня люди ждут.

Происходящее стало меня раздражать. Что за наглость, в самом деле? Нет, я понимаю, старших надо уважать, к тому же у человека неприятность – но всему же есть предел!

Однако, совсем уж обострять ситуацию не хотелось.

– Да вы не переживайте, за сутки-двое наверняка найдётся оказия. Мимо Костьяна много рыбаков ходит, и туристы тоже. Договоритесь – они вас подбросят на Великий, а мне,

правда, сейчас некогда...

Он поднялся, держась за вантину, запустил руку в складки плаща, а когда вытащил её, то в ладони оказался большой револьвер с массивным стволом. Чёрная дырка дула смотрела точнёхонько мне между глаз.

– Я уже нашёл... оказию И лучше бы тебе, парень, не упрячиться.

Я немного разбираюсь в оружии – крупноформатная толстая книга «Пистолеты и револьверы» Жука, встречалась вам такая? Чудище, которое «попутчик» извлёк из-под своего плаща, нисколько не походило на «Наган», зато до чрезвычайности напоминало британский «Веблей-Скотт», вроде того, что мелькает в телесериале «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Не самый распространённый в наших краях образец огнестрела – гранёный длинный ствол, как и полагается армейской, офицерской модели, прихотливо вырезанная гребенчатая мушка. Пугач? Игрушка, испанская копия исторического образца, какие в последнее время во множестве мелькают на полках сувенирных магазинчиков? Ох, не похоже – вон, тёмно-серые кончики пуль выглядывают из каналов ребристого барабана, воронение на металле кое-где вытерто до белизны, словно от частого использования – да и не держат копии вот так твёрдо, уверенно.

Мне почему-то не было страшно. Вот нисколечко! Сиди я сейчас в салоне пассажирского лайнера, в проходе которого размахивает какой-нибудь «Береттой» или «Узи» смуглый

тип с физиономией, до глаз прикрытой платком-арафаткой – я бы, наверное, обмочился от страха. Знаем, читали, видели по телевизору... А тут – ситуация настолько неправдоподобная, что поневоле воспринимаешь её, как эпизод из книжки – вроде «Повестей-сказок» Виталия Губарева, где трое пионеров попадают на тропический остров с пиратами.

...во что ты вляпался, парень?..

– Говорю последний раз: поворачивай к маячному бую. – повторил «попутчик», и собака, свернувшаяся калачиком на решётчатых пайолах у его ног, подняла на меня взгляд и коротко твякнула. – И не надо бояться, я не пират, грабить или убивать не собираюсь. Но если будешь и дальше упрямиться – придётся справиться без тебя. Ты как, сам за борт выпрыгнешь, или помочь?

«А ведь он не шутит, – понял я. Конечно, сейчас не осень, температура воды – градусов десять, но всё равно – заплыв до берега, пусть и в спасательном жилете (вот он, лежит на банке под рукой) меня несколько не привлекает...»

– Хорошо, как скажете. К бую, так к бую.

Я вильнул поясом (кончик румпеля по-прежнему уютно устроился у меня между... э-э-э... чуть ниже спины) и нос «Штральзунда» покатился влево, нацеливая стрелу бушприта на буй. Грот при этом слегка заполоскал, и мой террорист (или вернее, всё же, назвать его пиратом? Сам-то он только что открестился от этого высокого звания...) ловко, одной рукой, распустил гика-шкот, выбрал слабинку, и снова закре-

пил его на утке – и это ни на миг не отводя уставленным мне в лоб ствол «Веблея». Несмотря на дикость положения, я не мог не восхититься – действовал он отточено, автоматически, так, что чувствовалась даже не многолетняя – много-десятилетняя практика настоящего моряка. И есть у меня подозрение, что с револьвером он, как и положено настоящему пирату, управляется ничуть не менее ловко, нежели с такелажем и парусами.

...чёрт бы побрал эту его ловкость!..

Итак, что мы имеем? «Штральзунд» бодро бежит на ост, чуть забирая к норду. Форштевень режет воду, паруса упруго выгнуты, дизелёк молчит – примерно за полчаса до «пиратского захвата» я заглушил его, убедившись, что и ветер и так разгоняет дорку до требуемых шести узлов. До буя, если верить карте – около семи километров по прямой. Это больше часа хода, а когда мы вырежемся из-за островов на большую воду, волна разойдётся, и скорость неизбежно снизится. Или снова запустить дизель? Нет, не стоит, мне торопиться некуда, а «пират» – ничего, потерпит! Он, кстати, ни на секунду не расслабляется – положил руку с револьвером на колено так, чтобы ствол по-прежнему смотрел в мою сторону, а сам косит глазом то на полотнище грота, то по курсу вперёд. Собака, видимо, окончательно осознав ситуацию, перебралась ко мне поближе, и уже не лежит – сидит и смотрит снизу вверх, прямо в глаза, время от времени издавая низкое вор-

чание. Я в свою очередь кошусь на неё с некоторой опаской – зверь, конечно, не самый крупный, это вам не немецкая овчарка или ротвейлер, но я-то знаю, какими стремительными могут быть при необходимости лайки, и насколько точны их броски. Уж вооружённую-то руку перехватить всяко успеет, а большего от неё и не требуется.

Да-да, оружие у меня имеется. Револьвера, правда, нет, и пистолета тоже, зато в кормовом кокпите, где я стою, выполняя функции рулевого, в выдвижном ящичке лежит заряженная ракетница. Не боевой ствол, конечно, но если влупить с дистанции два метра – мало никому не покажется. На поясе, прикрытый полый штормовки висит нож в кожаных, перехваченных узким ремешком ножнах, и если опустить правую руку – можно незаметно извлечь его наружу. А ещё – в каютке, в рундуке под койкой припрятан охотничий карабин с патронами, который, если исхитриться как-нибудь добраться до него, способен враз изменить расклады в нашем дружном коллективе.

Я покосился на собаку – ох, не хотелось бы в тебя стрелять, а ведь придётся, если что... Она словно угадала мои мысли – глухо заворчала, шерсть на загривке встала дыбом, верхняя губа дрогнула, обнажая жёлтые слюнявые клыки. Соображает, пустолаечка, бдит. Нет уж, для подобных трюков нужен навык, готовность применить оружие против живого человека – а у меня они есть? Ох, сомнительно, судя по унижительной дрожи в коленках. А вот «пират», судя по

всему, подобными комплексами не страдает – вон, как уверенно держит револьвер! Лучше выждать, потянуть время: за час-полтора, которые мы будем идти к бую, много чего может произойти – появится, например, катер пограничников, и тогда можно будет подать сигнал, при них мой «пират» стрелять не решится. На бандита, беглого зэка, он, вроде, не похож, и на маньяка или серийного убийцу – тоже, не бывает таких маньяков...

Есть и другое соображение: ну, ладно, пушу я в ход нож или ракетницу, покалечу его, или вовсе убью – а дальше что? Доказывать, что действовал в пределах необходимой самообороны? Это ещё бабушка надвое сказала, сумею ли. Привязать к ногам трупа запасной якорь и спустить за борт? Брось, парень, не решишься ты на такое, не то воспитание, интеллигентское, московское...

Нет уж, лучше подождать развития событий. На противоположном берегу расположен пограничный пост, если встретится мотобот пограничников – можно подать сигнал сиреной (вон она, рукоятка), и тогда «пират» наверняка не решится стрелять, пограничники догонят и будут разбираться, что к чему.

Значит – решено, ждём и не геройствуем. Любопытно только, зачем ему понадобился этот буй? Если хочет высадиться на острове Великий, так куда быстрее пересечь пролив поперёк. Собирается в Кандалакшский залив? Вроде бы логично, но буй тогда ни к чему, осадка у дорки небольшая,

можно идти и под берегом... Ну, хорошо, прошли, миновали окончность Великого – а дальше куда? Через весь залив, открытой водой, вдали от берегов, и дальше, к гирлу Белого моря? Солярки хватит километров на сто, не больше, а если идти как сейчас, на парусах, то на такой переход понадобится никак не меньше недели. А как с отдыхом и сном, с вахтами, которые придётся нести по очереди? В таких условиях не получится всё время держать невольного напарника под прицелом, и даже собака не очень-то поможет. А если испортится погода? Пока небо, вроде, чистое, но у западного края горизонта кучкуются подозрительные облака, вызывающие в памяти известный всякому моряку «метеорологический» стишок:

*«...Если тучи громоздятся
В виде башен или скал,
Скоро ливни разразятся,
Налетит жестокий шквал...»*

Ну ладно, в ближайшие три-четыре часа особые катаклизмы нам не угрожают – а вот дальше что? Погода на Беломорье капризна и богата на сюрпризы...

Или кто-то ждёт его в заливе, неподалёку – и тогда, миновав буй, он укажет мне курс, к точке randevу? Вопросы, вопросы... и ни малейшего намёка на ответ. А значит, пора перевести дух, сосчитать до двадцати пяти и попробовать наладить со странным террористом хоть какие-то отношения.

Увы, разговора не получилось. «Пират» выслушал мои вступительные сентенции и буркнул в ответ: “помолчи, парень, вот пройдем буй, и сам всё увидишь...” Я, хотел, было, спросить, что это именно я там увижу, но вовремя прикусил язык – дальнейшие расспросы после такой отповеди тянули уже на потерю лица, да и к результатам вряд ли привели бы. Собака по-прежнему не отводила от меня внимательных орехового цвета глаз, и хоть ствол «Веблея» уже не смотрел мне в лоб – желание продолжать беседу испарилось. Ветер тем временем усилился, но скорость, против ожиданий не снизилась, а даже выросла. У меня мелькнула даже мысль предложить поставить кливер, но в итоге я воздержался. Ему надо – пусть и торопится, а я пока посижу, подожду, что будет дальше.

Когда до буя, здоровенной плоской бочки, покрытой рыжими подтёками ржавчины, с решётчатой конструкцией, наверху, на которой мигала в определённом, несомненно, указанном в логичном ритме яркая жёлтая лампа, осталось не более километра, «пират» засунул револьвер под мышку и снова полез в сумочку. При этом не забыл бросить на меня многозначительный взгляд – «не дури, парень, я за тобой слежу...» Я и не дурил – стоял, опершись на румпель и наблюдал, как он возится со своим диковинным приспособлением. На этот раз на это ушло не больше минуты; буй за это время заметно приблизился, и «пират», спрятав «астролябию», перехватил револьвер и распорядился обходить буй так, чтобы

оставить его слева – «со штирборта», как он выразился. Я послушно налёг известным местом на румпель, грот захлопал, «пират» торопливо заскрипел шкотами, и в этот момент на нас – на меня, на дорку, на «пирата» вместе с его собакой – навалилась тьма.

IV

...тьма, непроницаемая, пахнувшая ледяным холодом, мгновенная слепота, сопровождавшаяся мгновенным онемением всех прочих органов чувств – навалилась и тут же пропала, словно её и не было вовсе. Но то, что пришло ей на смену, не было похоже на привычный пейзаж Великой Салмы – ни островов по бортам, ни мелкой серо-голубой ряби, отражающей бледное беломорское небо с редкими облачками. Полоса волнующегося моря, взвихренная барашками, какие появляются, когда ветер перескакивает отметку в шесть баллов по шкале Бофорта, и возле снастей стоячего такелажа раздаётся, сначала лишь в порывах, а потом и на одной ноте тонкий свист. Но сейчас порывов не было – ровно задувало в корму, в фордевинд, и дорку несло по этой прямой, как стрела, морской дороге. Нет, не дороге даже, а по тоннелю, края которого, разлинованные гребнями волн и пестрящие барашками сначала плавно, а потом круче и круче загибались вверх, сливаясь где-то там с полосами туч, стремительно несущихся по небу. И больше не осталось в мире ни-

чего, кроме этой невозможной трубы, ряби волн, переходящую в рябь облаков – а ещё заунывного свиста в такелаже «Штральзунда».

Волны поддавали в корму с регулярностью метронома и силой парового молота, заставляя многострадальное судёнышко нелепо «козлить» на манер задузившей лошади. Бушприт при каждом «пинке» зарывался в волны, а перо руля, наоборот, выскакивало из воды почти целиком. Но некогда было свешиваться с кормы, чтобы полюбоваться этим зрелищем; румпель словно сошёл с ума – он рвался из стороны в сторону, словно живой, и пришлось оставить привычную фривольную позу и вцепиться в него обеими руками.

Удивительно, но ветер продолжал ровно дуть в одном и том же направлении, гоня «Штральзунд» вдоль тоннеля – толчки, вырывающие румпель из моих рук, создавали одни лишь волны. Барашки росли, сливаясь в сплошные пенные полосы, однако волны не увеличивались, зато свист ветра перерастал постепенно в вой. Грот и грот угрожающе выгнулись под его напором, и я отстранённо, словно и не было меня здесь вовсе, словно речь шла о вычитанной в морском романе сцене буйства стихий, прикидывал, что случится раньше – лопнет вантина, не выдержит грота-штаг, или разлетится ключьями прочнейший дакрон?..

– Рифы! Рифы брать! – заорал, перекрывая вой ветра «пират». Не дожидаясь моего ответа, он отдал гафель-гардель, прослабил дирик-фал, и тут же, под оглушительных хлоп-

ки заполоскавшего грота, принялся обоими руками собирать парусину складками к гикю и притягивать его риф-сезнями. Я замешкался, крепя оттяжки на румпель (вообще-то это следовало сделать сразу), а когда затянул последний узел – кинулся на помощь. Вдвоём мы взяли три рифа; я подтянул повыше гафель, накрепко закрепил снасти на утках, «пират» к тому времени закончил возиться с яростно сопротивляющимся гиком, и я видел как шкотовый угол, мечущийся по ветру, припечатал его по лбу массивным железным люверсом, но он только отмахнулся от удара, словно от надоедливой мошки. «Штральзунд» швыряло из стороны в сторону, зафиксированный в диаметральной плоскости руль не справлялся, румпель мотало из стороны в сторону, и я, сбивая пальцы, полез обратно в кормовой кокпит. Оттяжки уже успели разболтаться под напором волн, и я не стал их сбрасывать – животом навалился на изогнутый, выклеенный из нескольких слоёв дерева, румпель и стал править вдоль ветровой трубы, стены которой окончательно слились в сплошную бурлящую поверхность, и трудно было разобрать, где заканчиваются волны, и начинаются рваные клочки туч.

– Может, движок запустить? – крикнул я. Это были первые слова, сказанные с того момента, как «Штральзунд» обогнул треклятый буй.

– Незачем! – долетело из второго кокпита. – Здесь всегда так: дует в фордевинд или полный бакштаг, волны бьют в корму, и от винта мало проку. Но ты не трусь, тяжело только

у входа в Фарватер, дальше станет легче...

Он так и сказал – «на Фарватере», с большой буквы.

– А что за фарватер, куда он?..

– Заткнись! – прорвалось сквозь рёв стихии. – Правь на маяк, парень!

– На маяк? Какой ещё?..

– Ты что, совсем ослеп? – на этот раз гневный рык перекрыл порывы ветра. – Глаза протри, не видишь, что ли?..

И я увидел.

Оставалось удивляться, как я не замечал её раньше – ослепительная точка в перспективе тоннеля, в самом его центре. И она разгоралась, испуская колючие лучи, то переливаясь всеми цветами радуги, то выдавая, как настоящий маяк, серии одноцветных вспышек – интересно, в какой лоции они обозначены?.. Раз поймав её глазами, было очень трудно отвести взгляд, да это и не требовалось – наоборот, как будто стало легче править судном, толчки под корму стали не столь яростными, румпель теперь не рвался из рук, как бешеный, а словно бы предупреждал о своих намерениях лёгкими нажатиями на ладонь, которые ничего не стоило вовремя парировать, удерживая огонь таинственного маяка в той единственной точке, куда был нацелен сейчас бушприт «Штральзунда».

Вихревые стены тоннеля раздвинулись, открывая больше простора, и почти сразу стал стихать ветер – теперь он не завывал, а тонко посвистывал в порывах. Мой попутчик что-

то удовлетворённо буркнул под нос и полез отдавать рифы – мою попытку дёрнуться на помощь он пресёк коротким взмахом ладони: «стой, где стоишь, сам справлюсь...» И ведь справился: приняв ветер полной грудью надувшегося грота, дорка побежала резвее, а «пират» направился на полубак и стал распускать кливер. Минуты не прошло, как и этот парус взлетел по кливер-штагу, «Штральзунд» прибавил хода, а выгнутые стены волн и облачных полос ещё сильнее разошлись в стороны, открывая бесконечный простор, в дальнем далеке которого сиял огонь неведомого маяка.

Я потянулся к футляру бинокля, висевшему на стенке кокпита, но «пират», увидав это моё движение, недовольно каркнул: «Не отвлекайся, парень! Выскочишь с Фарватера – хлопот потом не оберёшься, надо править точно по оси, и всё получится само собой...»

Он оказался прав: когда я приноровился держать курс точно по оси, направленной на огонь маяка, стихии вокруг поумерили своё буйство. А может, дело было в том, что мы наконец удалились на достаточное расстояние от устья (Горловины? Входа? Понятия не имею, как правильно называть место, где мы вышли на этот невозможный фарватер...) Стены раздвигались всё сильнее. Тоннель превратился из узкой, почти круглой в сечении трубы в сплюснутый снизу и сверху эллипс. То справа, то слева стали появляться своего рода ниши, провалы – то узкие, то наоборот, широченные. В одном из таких провалов я разглядел ровную морскую

гладь со стайкой резвящихся дельфинов; за другим, простирался скалистый берег, покрытый буйной тропической растительностью; в третьем, самом узком, промелькнула и тут же пропала корма большого судна с высокими мачтами – паруса на них были свёрнуты и притянуты к реям, по борту, низко над водой стлался шлейф угольного дыма из длинной тонкой трубы, торчащей посреди палубы, и пара больших колёс с красными плечами старательно перемалывали воду. Было ясно, что пароход только что свернул отсюда, из тоннеля-фарватера – и теперь шлѐпает куда-то по своим паровым делам, не усматривая в подобном способе навигации ничего экстраординарного.

Я покосился на попутчика. Одной рукой он сжимал пропущенный через блок гика-шкот (стаксель-шкот был, как положено, заведѐн на утку), а вот второй, локтем, придерживал на колене давешнюю астрорябию и как-то ухитрялся в этой неудобной позе перещѐлкивать её лимбы. При этом он то и дело бросал короткие взгляды на небо, на проплывающие мимо проходы-ниши – у меня создалось стойкое впечатление, что он не просто определяет наше местоположение в этом диковинном месте, а... управляет им, что ли, формирует по мере на нашего продвижения? Да нет, ерунда, пресѐк я эту крамольную мысль, как такое может быть? А с другой стороны, всё остальное, что творится вокруг – оно что, *может быть?*

И вдруг всё закончилось. Снова навалилась тьма – и пе-

ред носом «Штральзунда» раскинулась незнакомая бухта. Небо над ней словно хлестнуло меня по глазам яркой субтропической какой-то голубизной; справа и слева возвышались неровные контуры прибрежных скал, и в основании их пестрела россыпь домиков. Море было испещрено белыми, жёлтыми, даже коричневыми мазками – паруса, паруса, паруса, – кое-где поднимались к небу дымки пароходных труб, а впереди на кончике далеко выдающегося в море мыса громоздилась скала, увенчанная маячной башней. Фонарь на ней ритмично вспыхивал, несмотря на солнечный день, и я сразу, с первого взгляда понял, что именно он вёл нас сюда через тоннель-фарватер.

– Всё, парень, можешь расслабиться, пришли. – над обрезами кокпита возникла голова «пирата». Астролябию он успел убрать, как и избавиться от своей зюйдвестки, заменив её на помятую капитанскую фуражку с позеленевшей от морской воды латунной кокардой-«крабом» – и где только он прятал её всё это время?

– Пришли. – повторил он. – Видишь судно без мачт возле брекватера? Правь на него – это таможенная брандвахта, надо представиться, как положено.

Я хотел, было, спросить, куда именно мы пришли, что это за брандвахта, и зачем она торчит, загораживая половину прохода в волноломе, который «пират» обозвал малознакомым термином «брекватер» – но сдержался. Зачем, как говорят профессиональные актёры, «хлопотать лицом», зада-

вая вопросы, на которые и без того скоро получишь ответы?

Зато не стала молчать наша хвостатая спутница. Собака по имени Кора (а я-то и забыл о ней!) выбралась из каюты, где пряталась, пока мы шли через тоннель-фарватер, почесалась, как ни в чём не бывало, шумно втянула носом воздух. Потом вскочила на крышу рубки и весёлым лаем поприветствовала этот очевидно, хорошо знакомый ей пейзаж.

*...И заревел морской сигнал, завыл браконьерский рог,
И мрачную “Балтику” воротил, что в тумане шла на
восток.*

*Вслепую ползли обратно в залив меж водоворотов и
скал,*

*И вот услышали: грохочет цепь – “Штральзунд” якоря
выбирал...*

– Хорошая песня. – одобрил «пират». – Сам сочинил?

– Куда мне... – я помотал головой, затягивая узлы, крепящие якорь на полубаке. Сейчас в нём необходимости не было – «Штральзунд» стоял возле низкого, длинного пирса, почти упираясь бушпритом в зелёную облупленную корму парусной шхуны. – Поэт один, только он давно умер. У него много такого, про моря, войны, Империи... всякого, одним словом.

– Ясно. – он снял фуражку и поскрёб пятернёй в шевелюре, и я заметил, что она вся серебряно-седая, с редкими тёмными прядками. – А я-то решил, что ты, раз название судна

то же самое.

– Так отсюда и взяли. Есть и второе такое же, оно «Сполох» называется – третья котиколовная шхуна из этой баллады³. А вот «Балтики» у нас пока нет... и теперь, наверное, не будет.

Он покосился на меня с насмешкой.

– Ты что, вообразил, что больше не сможешь вернуться домой? Брось, парень, не такой уж я злодей! Просто выхода другого не было. Если верить третьему и седьмому лимбам, время у меня оставалось всего ничего, а там Фарватер закрылся бы, и я застрял бы у вас надолго. А оно мне надо?

– Мне тоже не надо. – согласился я. – В смысле, незачем торчать здесь, у вас, хотя погода, вроде хорошая, солнышко вон... Так что насчёт возвращения, обсудим? Меня, если не забыли, там люди ждут...

Первое, что сделал «пират» после того, как я выполняю его указания, направил «Штральзунд» к брандвахтенному судну – это многословно и витиевато попросил прощения за учинённое надо мной насилие. С тех пор он повторил свои извинения раза три, не меньше, и каждый раз в новых вариациях.

– Может, тебе ещё и за перевоз заплатить? – ухмыльнулся попутчик. – А что, и заплачу – и за работу, и за беспокойство. А вот чем и как – это мы с тобой, парень, обсудим. А сейчас, давай-ка поторопимся, мы и так вон сколько провозились...

³ Речь о стихотворении Р. Киплинга «Баллада о трёх котиколовах».

Кора, пошли!

Он с кряхтением встал на ноги. Собака, которую, оказывается, звали Корой, одним прыжком преодолела узкий про-свет между бортом и дощатой кромкой пирса и встала, ве-село помахивая хвостиком-колечком. Морда у неё при этом была улыбающаяся, широкий розовый язык свешивался из пасти, в карих глазах светилось неподдельное собачье дру-желюбие.

– Сходни на корме принайтовлены. – сказал я. – Спустить, или?..

– Обойдусь. – буркнул он и прыгнул вслед за своей хвоста-той напарницей. Плащ его при этом распахнулся, и я увидел торчащую из-за пояса рукоятку знакомого револьвера – как раз рядом с сумочкой, в которой, надо полагать, скрывалась таинственная астролябия. Дорка от толчка слегка качнулась, кранцы заскрипели о доски. – Ну что, долго будешь ещё ко-паться? Нас ждут, не забыл? И, кстати... – он поскрёб паль-цами, но на этот раз не в шевелюре, а в короткой шкипер-ской бородаке, тоже седой, с редкими тёмными прядками. – Может, пора уже познакомиться? Тебя как звать?

– Вообще-то гостям положено представляться первыми. – не удержался я. – Но, учитывая наш способ знакомства, при-дётся мне. Баранцев, Сергей Дмитриевич, шкипер этого вот корыта. – я похлопал рукой по планширю, – По совмести-тельству ещё и литературный редактор, но это вам вряд ли интересно...

– Не интересно. – с готовностью согласился «пират». – Кстати, Серж... можно ведь тебя называть Серж?

Я кивнул. Отчего бы и нет? Спасибо, не какой-нибудь «Серхио», «Серёнька», или, хуже того, «Гуня», «Гунька». Тоже, между прочим, вариант имени «Сергей» – хотя мало кто его встречал где-нибудь, кроме носовского «Незнайки и его друзей».

– Меня можешь называть... ну, скажем, мастер Валу. Вообще-то меня зовут Валуэр, Эсмен дорр Валуэр – но ко мне так редко обращаются, разве что по совсем уж официальным поводам, и лишь на собраниях Ложи или когда мне случается забрести по каким-то делам в Магистрат или в Гильдию Лоцманов. И зря ты так уничижительно о своём «Штральзунде», Серж. Дырявое корыто, надо же! Это доброе судёнышко, не всякое вот так, без подготовки смогло бы миновать Фарватер. Ты мне верь, я знаю, что говорю. Корабли, даже маленькие – у них ведь живая душа есть, и не стоит их обижать, тем более, незаслуженно?

– Верю вам на слово, мастер... Валу?

...Ну, невозможно же удержаться!..

– Валу. – он покосился на меня с нескрываемым подозрением. – Это сокращение от имени «Валуэр» – Валу, мастер Валу. Несложно запомнить, верно?

– Хорошо-хорошо, извините... мастер Валу. Я запомню.

Я снова склонился к якорю, пропустил под лапой репшнур и принялся затягивать его, хотя особой необходи-

мости в дополнительном креплении и не было. На самом деле, я просто старался выиграть несколько лишних секунд, чтобы обдумать услышанное. Магистрат, Гильдия какая-то, Ложа они тут что, масоны? Сплошь загадки, возможно и поддерживающие подкаски, но расшифровать их я пока не мог. Вот и имя нового знакомого – Валуэр, и не просто, а ещё и «Эсмен дорр...» Голландское? Не шибко похоже и непривычно слуху. Что-то такое мелькало в памяти – где то я уже встречал это «Валуэр»... в какой-то книге? Наверняка так, но вот в какой именно – нет, вот так, с ходу, не вспомнить.

Всё, последний узел готов, затянут, якорь закреплён надёжно, и возиться с ним дальше не стоит, это уже начинает выглядеть подозрительно. Вон как старательно Кора наблюдает за моими руками, прямо ни единого движения не упускает, зверюга...

Я поднялся, отряхнул колени.

– Ну вот, я в полном вашем распоряжении, мастер Валу. Пойдёмте?

– Пошли. – кивнул он. – Кора, сторожи!

Собака понятливо твякнула и перелетела назад, на «Штральзунд», где и уселась на крыше каюты неподвижной точёной статуэткой. Я удивлённо поднял бровь – не доверят мне, что ли, подозревает в намерении устроить побег? Нет, вряд ли – это было бы уж совсем глупо, куда я денусь отсюда? А собака – что ж, пусть сидит, барахло на дорке целее будет. Откуда знать, что на нравы тут у них в порту?

Валуэр повернулся зашагал вслед за ним по пирсу. Над пристанями, над бухтой вздымался лес мачт в паутинах снастей; кое-где с перекошенных реев тряпками свисали паруса, и крошенные чёрные фигурки копошились на их фоне. За всем этим портовым великолепием проглядывали на фоне густоголубого, крымского какого-то неба и зелёных холмов красные черепичные крыши близлежащего городка. Я шагал себе с независимым видом, заложив руки в карманы штормовки, и мурлыкал под нос:

*...По рыбам, по звёздам, проносит шаланду,
Три грека в Одессу везут контрабанду,
На правом борту, что над пропастью вырос,
Енакий, Ставракис и Папасатырос.
А ветер как гикнет, как мимо просвищет,
Как двинет барашком под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!»...*

Провожатый обернулся на моё пение, и состроил ухмылку – на его обветренной коричневой физиономии она выглядела, пожалуй, одобрительной.

...может, ему тоже случалось возить контрабанду в Одессу? После событий последних часов – честное слово, не удивлюсь! Или всё проще, и новый знакомый просто любит, как и я, Багрицкого?..

– Между прочим, а как называется этот город, мастер Валу? – осведомился я. Походя осведомился, между делом – других, куда более актуальных, нежели географические названия, вопросов, было море, но надо же с чего-то начинать?

– А я разве не сказал? – «пират» изобразил удивление. – Ну, извини, парень, из головы вылетело. Город, как и порт, называется Зурбаган.

V

Я споткнулся на ровном месте и едва не приложился носом о доски пристани – чтобы удержаться на ногах пришлось бы совершить унижительную пробежку, не подхвати меня спутник вовремя под локоть. Конечно, я сразу вспомнил, где встречал его имя – Валуэр, главный герой рассказа «Зурбаганский стрелок» Александра Грина, от чьего имени ведётся повествование. Правда, насчёт «Эсман доор» не уверен, но вот остальное...

– Что-то не так? – забеспокоился провожатый.

Нет-нет... я постарался, чтобы голос мой звучал безразлично. – Название и название, не хуже любого другого. А вот остальное – труба... тоннель этот, фарватеры, маяк – что всё это значит?

Мастер Валу посмотрел на меня с интересом.

– Я всё гадал, дождёшься ты, когда мы дойдём до гостиницы, или примешься расспрашивать прямо на ходу?

– Так мы идём в гостиницу? – ответил я вопросом на вопрос. – Я-то думал, вы хотите представить меня кому-то... официальному?

– Не такая уж ты важная птица, парень. – хмыкнул он, не скрывая иронии. – Чего-чего, а чужаков всякого рода в Зурбагане хоть пруд пруди, и представлять каждого членам Магистрата – никакого времени не хватит. Нет, нас с тобой дожидается тётушка Гвинкль – тот малый, с которым я договаривался её племянник. Гостиницы в городе переполнены, а он сказал, что в «Белом Дельфине» есть парочка комнат, и надо поторопиться, пока их не заняли!

Действительно, когда «Штральзунд» проходил мимо брандвахтенного фрегата (обшарпанная деревянная посудина с обрубками мачт, торчащих из плоской палубы, и наглухо запечатанными орудийными портами, часть их которых были застеклены и превращены в окна) мастер Валу обменялся несколькими фразами со стоящим на палубе матросом. Судя по карабину, на который тот небрежно опирался, это был часовой; после короткой беседы, из которой я не понял ни слова, матрос махнул рукой в сторону пирсов; мой попутчик в ответ приподнял капитанскую фуражку, и на этом таможенный досмотр закончился.

– А что, здесь действительно приходит так много кораблей... не отсюда? – спросил я. – Вопрос был скорее риторическим – мы как раз шагали вдоль улицы, с одной стороны которой тесно, без единого просвета между узкими фаса-

дами, выстроились трёх-четырёх этажные дома, а с другой, превращённой в пристань, бок к боку стояли разномастные суда. За ними, на внутреннем рейде теснились бесчисленные шхуны, барки, бриги, баркентины, пароходы, в том числе и колёсные, с огромными горбатыми кожухами по бортам. А ещё дальше, у самого волнолома угрюмо чернел на воде плоский утюг двухмачтового броненосца – с парусной оснасткой на двух мачтах, короткой, словно обрезанной, трубой, двумя огромными пушками в открытых барбетах и безжизненно обвисшим на корме флагом неразличимой с такой дистанции расцветки.

– Флот, как всегда, бдит. – прокомментировал не без оттенка иронии мастер Валу. – Это «Хассавер», флагман гросс-адмирала Брена ван Кишлерра. Он только вчера пришёл в Зурбаган. Официально – с инспекцией, но все в городе отличнейше знают, что прибыл он, чтобы поприсутствовать на выпускном балу дочери своей родной сестры, баронессы ван Кишлерр, который состоится завтра в Морском Лицее. Что до остальных судов – да, почти все оттуда, из Внешних Миров. Кто берёт груз, кто, наоборот привёз что-то, а кто отстает перед дальней дорогой. Да ты вокруг посмотри, неужели ничего не замечаешь?

Я огляделся – и сразу понял, что имел в виду мой спутник. В глазах рябило от разнообразия головных уборов, матросских курток разных фасонов и расцветок – как и от цветов шевелюр и кожи их обладателей. Что почти все встречаемые

явились в Зурбаган на одном из этих кораблей, было понятно и без объяснений – даже мне, впервые здесь оказавшемуся, нетрудно было выделить среди местных жителей. Через пёструю толпу то здесь, то там пробирались экипажи, пароконные фургоны, повозки, ломовые платформы, нагруженные пирамидами бочек, тюков, ящиков. Из открытых дверей многочисленных заведений, выходящих прямо на пирс, доносилась музыка, пьяные крики, кое-где дрались или били посуду, рядом пели что-то застольное, отстукивая ритм по столешницам кружками – наверное, тяжёлыми, оловянными, вмещающими не меньше пинты...

– Ладно, уговорили, гостиница, так гостиница. – согласился я. – Но учтите, мастер Валу: когда мы туда придём, я наяду на вас с расспросами и не отстану, пока не выясню всё, что нужно!

– Договорились. – он довольно осклабился. – Надеюсь, Серж, ты не против пинты-другой чёрного эля и двух-трёх дорадо в хрустящей корочке, с картофелем, базиликом и розмарином, которые так замечательно запекает тётушка Гвинкль?

– Вы так вкусно рассказываете, что у меня аж слюнки текут. – честно признался я. – Тем более, что в последний раз я что-то съел... часов семь-восемь? Да, примерно восемь часов назад. Так что не ждите, и не подумаю отказываться.

– Вот и хорошо. – кивнул он. – Разговор нам предстоит долгий, и вести его на пустой желудок, да ещё и всухомятку –

дело негодящее, уж поверь старому мореходу, который знает толк в простых человеческих радостях на берегу!

В обеденном зале таверны «Белый дельфин» было всё, что только могла вообразить моя романтическая натура, истосковавшаяся по романтике натура потомственного московского интеллигента: низкие, из цельных дубовых досок столы и скамьи; кружки – разнообразные, глиняные, оловянные, стеклянные, полные пенящимся пивом, сидром или рубиновокрасным вином. В огромном, в половину стены, очаге на жаровнях и в глиняных горшочках жарятся, запекаются, тушились на углях присмотром шустрых поварят разнообразные деликатесы, по большей части морского происхождения, выловленные из естественной своей среды не далее, как сегодня утром. Низкий потолок поддерживают закопченные балки, похожие на бимсы старинных кораблей; с них свисают рыболовные сети и масляные светильники. Публика, в таверне под стать обстановке – рыбаки, матросы, молодые люди в форме с якорьками и золочёными шевронами (курсанты Морского Лицея, как пояснил мне спутник), и даже скрипач, будто сошедший со страниц купринского «Гамбринуса». На печально-трогательного еврея Сашку он, правда, не слишком похож, скорее, на чернявого грека – зато мелодии из-под его смычка вылетают очень даже узнаваемые, такие с удовольствием послушали бы и на Молдаванке, и в тавернах Неаполя, где звучат палумеллы и тарантеллы, и даже

на концертах американского дуэта «Сёстры Бэрри». То печальные, хватающие за душу, то весёлые заводные, дёргающие за руки и ноги так, что невозможно удержаться и не пуститься в пляс...

На стенах, тоже тёмных, закопченных дымом масляных ламп, трубок и очага, несколько морских пейзажей. На самом же видном месте висит в простенькой раме портрет мужчины с длинным лицом из разряда тех, которые принято называть лошадиными, и в капитанской фуражке. Я узнал его с первого взгляда – Александр Гриневский, литературный псевдоним «Александр Грин», – и не слишком удивился: с тех пор, как прозвучало название города, «Зурбаган», я ожидал чего-то подобного. Ожидания эти, видимо, были написаны у меня на физиономии, потому что мой провожатый, стоило нам усесться за столик в углу, подозвал хозяйку заведения, и, договорившись о комнате для меня, стал расспрашивать её о человеке, с которого этот портрет был написан.

Тётушка Гвинкль, румяная, дебелая, в крахмальном фартуке поверх весёленького голубого платья и чепце, не обманула моих ожиданий. Послав поварёнка за нашим заказом (обещанные мастером Валу запечённые дорадо с картошкой и два кувшина «Капитанского» эля) она уселась к нашему столику и принялась рассказывать. Сама она его не застала, дело было давно, ещё когда её мать состояла в «Белом дельфине» девчонкой-посудомойкой – она-то и рассказала дочери о госте из-за Внешних Миров, который то ли год, то ли

два прожил в Зурбагане, и частенько бывал здесь в таверне. По словам тётушки Гвинкль он был замечательным рассказчиком – послушать его повествования каждый вечер собиралось множество народа, и гостю, как она образно выразилась, «нечасто приходилось платить за свой эль». Рассказы его были простые, но берущие за душу завсегдатаев таверны – про таких же, как они, рыбаков, грузчиков, судовых плотников и прочих тружеников моря, про моряков с кораблей, прибывающих в Маячную гавань (так здесь называют огромный залив, на берегах которого стоит Зурбаган и с полдюжины других городков и рыбацких деревушек), про далёкие страны, откуда эти корабли прибыли и куда отправятся, когда придёт срок.

Говорила хозяйка на незнакомом мне языке, и если бы не мастер Валу, взявший на себя роль переводчика – я не понял из всего этого повествования ни единого слова. Чего никак не скажешь о посетителях «Белого дельфина» – видимо, рассказ свой тётушка Гвинкль повторяла не один раз, но уже после первых её слов от соседних столов к нашему стали переключиваться слушатели. Кто-то выставил кувшин эля, кто-то принялся дополнять рассказ трактирщицы подробностями, о содержании которых я мог только догадываться, поскольку «переводчик» неизменно их игнорировал. В итоге, когда трактирщица, наконец, выдохлась, а мы с мастером Валу – сам он, если не считать перевода, за всё это время не вставил и пары фраз – покончили с заказанными блюдами, во-

круг нашего стола собралось не меньше двух дюжин человек. Они спорили, галдели, перебивали друг друга, размахивали руками, и мне оставалось только пожалеть, что я по-прежнему не понимаю ни слова – наверняка из этого многоголосья можно было бы вычленить немало полезного, позволившего бы разобраться: где я оказался, и что, чёрт возьми, со мной приключилось за этот безумный день? И так бы оно всё и закончилось – усталостью, восхитительно полным желудком, гулом в ушах, то ли от выпивки, то ли от непонятного многоголосья – если бы мастер Валу не вытащил меня из-за стола, вокруг которого к тому времени творилось уже что-то среднее между бурно развивающейся кабацкой склокой и вечером ностальгических воспоминаний. Отыскав уголок поукромнее, он заказал пару пинт «Капитанский», большую тарелку мелких, восхитительно хрустящих обжаренных рыбёшек, вроде черноморских барабулек, и устроился на скамье поудобнее. Я последовал его примеру – разговор, судя по всему, предстоял долгий.

– Только учти, Серж, подробного рассказа не получится. – мастер Валу отхлебнул эля из большой оловянной кружки и предупреждающе поднял палец. – Нет, я не собираюсь ничего от тебя скрывать, только... очень уж всё сложно. Наши ученики, только на то, чтобы постичь самые азы мироустройства и структуры Фарватеров, тратят по несколько месяцев – и не каждому, заметь, эти материи даются с первого раза!

Я последовал его примеру, приложившись к кружке. На этот раз тётушка Гвинкль подала эль подогретым, сдобрив щепоткой разнообразных пряностей, среди которых угадывались мускатный орех и корица.

– Ничего, разберусь. Подготовка какая-никакая у меня имеется, случалось интересоваться подобными... хм... материями. Насколько я успел понять, вы – вот вы конкретно, и ваши коллеги, что ходят на тех кораблях, – совершаете путешествия между... назовём их «параллельными мирами», вполне подходяще... А маяки каким-то образом служат вам ориентирами?

– Приятно иметь дело с образованным человеком. – собеседник довольно крикнул и снова отхлебнул эля. – В общем, так оно и есть, но... не совсем. Представь себе колесо. Обычное такое, от телеги, с ободом, спицами и ступицей. Представил?

Для убедительности он стал что-то чертить рукояткой ножа на столешнице. Следа на тёмном потрескавшемся дубе не оставалось, но рассказчика этот факт несколько не смущал.

Мы сейчас здесь, – он ткнул ножом в центр воображаемого круга, – в ступице этого колеса. Попали мы сюда из мира, откуда я тебя забрал, – ну хорошо-хорошо, похитил, я ведь уже попросил извинения! – вот отсюда, с обода...

Ещё один тычок кончиком лезвия в безответную столешницу.

– ...а здесь мы оказались, пройдя по Фарватеру, то есть

по спице – вот так, смотри...

Острие прочертило линию между воображаемой ступицей и точкой на ободу, где, по словам мастера Валу, находится мой родной мир, Земля.

– Все миры, те, которые ты назвал «параллельными» – мы то называем их Внешними – расположены на ободу воображаемого колеса. Некоторые из них соседствуют, некоторые разделяют один-два мира, другие находятся на противоположном краю обода. Но все объединяет одно: попасть из одного мира в другой, где бы они не находились, можно только пройдя по спице-фарватеру, миновав по пути ступицу. Вот этот самый центральный, или Маячный Мир, в котором мы с тобой сейчас и находимся. Это понятно?

И он с размаху воткнул нож в центр воображаемого «мирового колеса». Устроившиеся за соседним столом посетители таверны покосились, услышав звук удара, но больше никак не отреагировали.

– Понятно. – кивнул я. – Примерно так я себе всё и представлял, с некоторыми расхождениями, разумеется. Значит, корабли путешествуют между мирами... надо полагать, торговля? А ваш мир, центральный, ступица, с этой торговли и живёт, предоставляя проходящим, транзитникам, разные услуги, верно?

– Всё-то ты понимаешь... – буркнул мастер Валу. – Удивительно прямо!

– А какую роль во всём этом играют маяки? – я сделал вид,

что пропустил его комментарий мимо ушей. — Как я успел заметить, у вас к ним, к маякам, особая склонность?

Маяк только один! — указующий коричневый, с обгрызенным ногтем, в заусенцах перст устался в потолок. — Истинный, главный Маяк, который ведёт моряков, странствующих по Фарватерам, не давая им сбиться с курса. Да ты сам его сегодня видел, на мысу, не забыл?

— Такое забудешь... — я покачал головой, припомнив гигантскую башню маяка, возносящуюся над гаванью, казалось, до самого зенита. — И что же, это его огонь мы видели в тоннеле?

— На Фарватере. — поправил меня мастер Валу. — Приучайся к правильным терминам, парень. Любой маячный фонарь в любом, самом занюханном, окраинном мире светит его отражённым светом, и неважно, где стоят эти фонари — на каменных башнях, на плавучих маячных буях, или вовсе на конце жерди, воткнутой в землю на верхушке прибрежного холма. Любой из маяков может послужить ориентиром для входа на Фарватер. Некоторые из них специально настроены так, чтобы как можно сильнее отражать свет Истинного Маяка — их смотрители знают о своей роли и поддерживают фонари в нужном состоянии. Такие маяки занесены в Реестр, известный всякому Лоцману, проходить через них на Фарватеры просто и безопасно. Другие же, и их огромное большинство, сами по себе — вроде того буя, которым воспользовались мы с тобой. И делать это, как ты, полагаю, заме-

тил, порой весьма рискованно и всегда очень непросто. Помнишь, какая свистопляска встретила «Штральзунд» на входе в Фарватер?

– Ещё бы! – хмыкнул я. – До сих пор не могу понять, как нас не разнесло в щепки?

– Могло бы и разнести. С «дикими» маяками – так мы называем те, что не занесены в Реестр – никогда не знаешь, чем дело закончится. И, тем не менее, их свет тоже содержит отражённые лучи Истинного Маяка, того, на который ориентируются Лоцмана, ведя корабли по Фарватерам между мирами!

Окончание фразы прозвучало особенно торжественно. Гул голосов в таверне стих, взгляды сидящих за соседними столиками обратились к нам, кружки застыли в руках, а разговоры смолкли сами собой. Продолжалось это недолго, не больше пяти секунд – снова оловянные донца застучали о столешницы, снова закрипели скамьи, зазвучали со всех сторон обрывки фраз на незнакомом языке. Я помотал головой, отгоняя наваждение.

– Ну, хорошо, допустим. И вы, насколько я понял, и есть один из таких Лоцманов?

Я постарался, чтобы это слово, «Лоцмана», прозвучало в моём исполнении так же, как и у собеседника – подчёркнутопафосно, с большой как бы буквы. Мастер Валу кивнул.

– Верно. Только мы знаем, как вывести судно на Фарватер и как управлять им, чтобы не оказаться выброшенным

прочь.

– Эта ваша бронзовая штучка, вроде астролябии? – припомнил я. – Я так и подумал, что это какой-то навигационный инструмент, связанный с такими перемещениями!

– Правильно подумал. – кивнул собеседник. – Астролябии – они, кстати, именно так и называются, – есть у каждого Лоцмана.

Он похлопал себя по боку, где под полрой плаща, рядом с заткнутым за пояс револьвером висела узорчатая сумочка.

– И у тебя, парень, будет такая же – если ты примешь моё предложение.

Я откинулся на спинку скамьи и поиграл в пальцах двузубой вилкой с насаженной на ней жареной рыбёшкой.

– Видимо, сейчас я должен заорать от восторга и вскочить со словами «Да! Да! Согласен! Давайте поскорее?...»

Он посмотрел на меня с интересом.

– А ты что, не согласен? Стать Лоцманом – настоящим Лоцманом, которому могут открыться все тайны Фарватеров и маяков – может далеко не каждый, а в тебе я вижу нужные способности.

...опаньки! Вот это новость!..

– Какие именно, не секрет?

– Не секрет. Но сейчас объяснять бесполезно, пока ты слишком мало знаешь, да и не всё можно объяснить, надо почувствовать. Если согласишься – сам всё поймёшь. Учти, такие предложения...

— ...да-да, знаю, делаются один раз в жизни. — я сжевал остатки рыбёшки и глотнул эля. — Но у меня вообще-то свой дом, своя жизнь, родители, друзья — с ними как? Предлагаете забыть и начать всё с чистого листа?

Он со стуком положил нож на воображаемый рисунок «мирового колеса» — от него на столешнице осталась лишь крошечная зарубка на месте ступицы, куда он, разгорячившись, воткнул острие.

— Я понимаю, всё это несколько...м-м-м... неожиданно. Ты устал, потрясён, тебе надо всё обдумать, переварить... погоди! — он вскинул ладони, увидев, что я собираюсь возразить. — отправляйся сейчас в свою комнату, тётушка Гвинкль уже всё приготовила, а завтра с утра я за тобой зайду. Отправимся в Гильдию Лоцманов и там закончим наш разговор.

И, не слушая больше возражений, мастер Валу встал из-за стола и жестом подозвал хозяйку трактира. А я вдруг ощутил колоссальную усталость, оставившую мне единственное желание: прямо сейчас наскоро ополоснуться хоть холодной водой из кувшина, если здесь не найдётся нормального душа, а потом завалиться в постель. А там, и правда, видно будет — утро вечера мудренее, не зря ведь предки сочинили эту поговорку?

Ночь. Жаркая, душная — от накинутого ею горячего, влажного одеяла не спасает даже вливающаяся в окно морская свежесть, сдобренная запахами солёной рыбы, угольной ко-

поты, смолы и прочими ароматами порта. В маленькое окошко заглядывает большая масляно-жёлтая луна; я лежу в крошечной комнате, где из всей мебелировки только узкая кровать с высокими деревянными спинками, хромоногий табурет да кувшин с водой – прочие удобства в коридоре.

Когда я поднимался по узкой лестничке на второй этаж, казалось, что провалюсь в сон, стоит только прикоснуться ухом к подушке. Но нет, не получается: сколько ни пытался, сколько не ворочался с боку на бок – сон никак не шёл, и мысли упорно возвращались, к тому, что я узнал за этот безумный, самый, наверное, безумный за всю мою не такую уж и короткую жизнь. А потому, когда дверь комнаты начала с лёгким скрипом приоткрываться – подскочил, словно подброшенный пружиной, сел на кровати и зашарил рукой по спинке стула, где на продетом в джинсы ремне висел нож в перехваченных узким ремешком ножнах.

VI

Не то, чтобы я ожидал нападения – просто не мог забыть гранёного ствола его револьвера, уставленного мне между глаз, а так же отвратительное чувство беспомощности, зависимости от чужой воли, охватившее меня в тот момент. Да, потом мастер Валу извинялся и проявлял, как мог, дружелюбие и всяческое расположение по моему адресу, охотно отвечал вопросы, и даже сунул на прощание увесистый, глу-

хо звякнувший мешочек с монетами – но осадочек, как говорится, остался. Кстати, перед тем, как лечь, я высыпал его содержимое на ладонь – не меньше трёх десятков увесистых кругляшей, тускло блеснувших в свете свечи тёмным жёлтым металлом. Я едва удержался, чтобы не попробовать одну на зуб – золото, конечно, что ж ещё? Изображения на аверсах и реверсах монет были мне, по большей части, незнакомы, разве что на полудюжине встречались арабские и римские цифры. Размеры монет впечатляли – мне приходилось держать в руках николаевские червонцы, и самая мелкая из этих была больше как минимум, вдвое. Солидная плата за беспокойство, ничего не скажешь, не обманул «пират». Вот, кстати, ещё причина, чтобы кто-то настроенный не слишком дружелюбно побеспокоил меня ночью...

Но дело, конечно, было не в опасении грабителя – я не допускал такой возможности всерьёз. Я был один, в незнакомом, совершенно невозможном с точки зрения имевшихся у меня представлений об устройстве Мироздания месте, и рассчитывать мне было не на кого, кроме как на самого себя. И на этот вот нож, купленный в Москве, в магазине «Охота», привлёкший меня претензией на знаменитый «Кабар». На рыжих кожаных ножнах, как и на чёрном оксидированном клинке даже маркировка соответствующая имелась – «USMS», сирень «Корпус Морской пехоты США» – чтобы легковёрный покупатель вроде меня не заподозрил китайскую подделку. Впрочем, заточку нож держал неплохо, ла-

дони сидел удобно, и вид имел достаточно грозный – а что ещё, если подумать, нужно владельцу подобного холодняка?

Но не об этом я думал, конечно, нащупывая в темноте рубчатую рукоять. Дверь всё скрипела, открываясь с неестественной какой-то медлительностью, и я успел не только высвободить нож из ножен, но и перевернуть его лезвием вверх, так, чтобы плоское стальное навершие легло в пальцы, а сам клинок полностью скрылся за предплечьем. Я люблю ножи, успел вволю поупражняться с приобретением, и теперь был уверен, что сумею одним движением перехватить кабар, неважно, прямым или обратным хватом. И даже, если понадобится, метнуть, не вставая с койки – резким взмахом, на пол-оборота клинка.

Дверь тем временем распахнулась почти наполовину, но в комнату никто войти не торопился. В коридоре, в самом конце горела масляная лампа, её свет пробивался в комнату под дверью узкой полоской – и теперь, когда дверь чуть приоткрылась, я угадывал фигуру, притаившуюся сбоку, за косяком. Да, так и есть – вот тень на стене шевельнулась, и мне стало ясно, что роста визитёр небольшого, сложение имеет субтильное, и вообще...

...да, так и есть – короткая фраза с вопросительными интонациями, прозвучавшая из-за двери, была произнесена женским голосом, тихо, почти шёпотом. Слов я, разумеется, не понял, но и без перевода было ясно, что ночной гость – вернее гостья – просит позволения войти. Я торопливо при-

крыл голые ноги свисающим с койки одеялом, покосился на окошко – не ждать ли и оттуда каких-нибудь сюрпризов? – и лишь тогда на чистейшем русском языке, стараясь, чтобы голос звучал, по возможности, непринуждённо и не выдал бы меня невольной дрожью, сказал: «Войдите!»

Дверь ещё приоткрылась, в образовавшуюся щель проскользнула тёмная фигура – и замерла в шаге от порога. Тусклый свет из коридора падал на стену узким прямоугольником, и на его фоне я не мог различить ни цвета волос, глаз, ни даже черт лица визитёра. Однако, очертания силуэта вместе с лёгкой, почти неслышной поступью давали понять, что я не ошибся. Незванный гость – женщина, причём молодая.

– Чему обязан удовольствием видеть вас, сударыня? – осведомился я, и тут же выругал себя за очевидный идиотизм вопроса. Во-первых, таверна «Белого дельфина» мало походит на великосветский салон, а во-вторых – ночная посетительница наверняка ни слова не поняла из сказанного.

Но, видимо, вопросительные интонации говорили сами за себя: она сделала ещё шаг, оказавшись на середине комнаты, и заговорила – горячо, сбивчиво, помогая себе жестами. При этом она попала в косую полосу лунного света, что лежал поперёк моей комнаты бледной косой полосой, и теперь я мог разглядывать её в полное своё удовольствие.

А посмотреть было на что: невысокая, изящно сложенная, с правильными чертами лица, которые при иных обстоятельствах натолкнули бы на мысль о некоторой доле лати-

ноамериканской крови, она сразу удивила меня своим гардеробом. Все женщины, независимо от возраста, которых я встречал за недолгие часы своего пребывания в Зурбагане, были одеты в консервативном, патриархальном стиле: длинные, до пят юбки и платья, накидки, плащи, почти целиком скрывающие фигуры, на головах: чепцы или шляпки, в зависимости от статуса. Служанки в таверне носили светлые блузы, а на головах имели что-то вроде кружевных наколок под пару к кружевным же фартучкам. Старая добрая Европа конца прошлого, девятнадцатого века – как, впрочем, и почти всё остальное, что я успел тут подглядеть.

Костюм же ночной гостьи пребывал в разительном несоответствии с этой, видимо, общепринятой здесь манерой одеваться. Она была в форме курсантов Морского Лицея – целая их компания, человек в пять-шесть занимала один из угловых столов в зале «Белого дельфина»; мастер Валу почему-то счёл нужным обратить на них моё внимание, так что разглядел я их довольно подробно. Эти молодые ребята, младшему из которых не исполнилось и шестнадцати, а старший вряд ли перевалил за двадцать, щеголяли во фланелевых, тёмно-синего цвета форменках с полосатыми воротниками-гюйсами, узкими, в отличие от наших, матросских. Брюки, слегка мешковатые, с пуговицами по бокам, широкиими кожаными ремнями, на ногах тяжёлые матросские башмаки, поверх них икры затянуты белыми, с латунными пуговицами то ли гетрами, то ли гамашами – бог знает, как назы-

вается эта деталь гардероба... На ремнях болтались в чёрных кожаных ножнах кортики, скорее даже, тесаки с прямыми широкими клинками и массивными трёхдужными эфесами – впрочем, большинство «курсантов» избавились от этих аксессуаров, и теперь оружие валялось на скамьях вперемешку с белыми с чёрными тульями бескозырками, украшенными на макушке легкомысленными ярко-зелёными помпонами.

Между прочим, я обратил внимание, что эти парни бросают на моего провожатого настороженные, если не сказать, неодобрительные взгляды. Вот с чего бы это, а? Ладно, потом будем гадать...

Но я отвлёкся. Ночная гостья была одета в точности, как «морские лицеисты», включая кортик-тесак и форменный головной убор с помпоном. Держала она его в правой руке и энергично им размахивала, видимо, полагая, что сделает этим свои слова понятнее для бестолкового иностранца. Напрасно, разумеется – я не разобрал ни единого слова, зато убедился, что волосы у незнакомки рыжевато-каштановые, коротко подстрижены, шея изящная и весьма эффектно смотрится в вырезе белой блузы, поддетой под форменку. С этой шеи свисала тонкая, кажется, серебряная, цепочка, но что именно на ней висит – я видеть не мог, зато отлично разглядел, что скрытые под сукном формы имеют размер никак не меньше второго и в иной ситуации заслуживали более пристального внимания.

Видимо, она перехватила мой взгляд, потому что мило по-

розовела (лунный свет позволял разглядеть это отчётливо), шагнула к окну и снова сбивчиво заговорила. Раза два или три она переходила с одного языка на другой – причём говорила то уверенно, то сбивалась, то вообще выговаривала слова старательно, по одному, видимо, скверно владея выбранным наречием. Увы – с известным уже результатом.

При этом посетительница тыкала рукой с зажатой в ней бескозыркой в оконный проём, в крышу одноэтажной пристройки, которая, как я успел увидеть, пока обустроивался в комнатёнке, стоит как раз под самым моим окном.

...Она что, хочет, чтобы я вылез наружу? Или же – мы оба? А ведь похоже на то...

Тем не менее, я ответил, стараясь, чтобы слова мои звучали как можно убедительнее:

– Извините, барышня, я вас не понимаю. Вот нисколько! Я сокрушённо развёл руками; одеяло при этом сползло на пол, открывая собеседнице мои голые коленки, и я торопливо принялся его поправлять, смущённо что-то бормоча в своё оправдание. Выглядело это, надо полагать, комично: девица насмешливо фыркнула, указала на одежду, висящую на спинке стула, и демонстративно отвернулась к окну. Сзади, на фоне полного диска луны, её фигурка выглядела ещё привлекательнее. С чего, это, подумал невольно я, она вздумала затянуть такую прелесть в явно казённое обмундирование? Не хочет быть узнанной? Или у них тут девушки учатся морскому делу наравне с парнями?

Ладно, гадать об этом – как и по поводу массы других, столь же непонятных предметов – буду потом, когда выпадет свободная минутка. А пока я ответил «да-да, конечно, сейчас...» и принялся торопливо облачаться. Сон как рукой сняло – наоборот, меня потряхивало от внезапного всплеска адреналина. Да, пока ясно лишь одно: сегодняшние мои приключения ещё далеко не закончились.

Ночной Зурбаган разительно отличался от дневного. Исчезли толпы матросов, рыбаков, докеров и прочей просоленной морем публики – вероятно, расползлись по питейным заведениям, коих в припортовых кварталах хоть пруд пруди. Мы с моей внезапной спутницей, преодолев пару переулков, выскочили на бульвар – широкий, напомнивший мне о курортных городках Крыма – с каштанами, акациями и ещё какой-то одуряюще пахнущей растительностью, зато без столпотворения отдыхающих и огней увеселительных заведений. Народу вообще было не так уж много; время от времени попадались навстречу парочки вполне приличного вида (все мужчины были в шляпах, порой соломенных, плоских, на итальянский манер, и при тросточках, женщины же в лёгких кружевных накидках); несколько раз попадались навстречу блюстители порядка, вылитые городовые – все, как один, усатые, в скошенных ко лбу кепи с козырьками, солидные, немолодые и при саблях в блестящих металлических ножнах. Проходя мимо «городовых», моя провожатая брала

под козырёк; служители закона отвечали ей тем же, щёлкая иногда каблуками.

Ночь давно уже вступила в свои права, но на бульваре не было темно – через каждые пару десятков шагов высились чугунные столбы, с которых свешивались узорчатые железные фонари. На моих глазах к одному из них как раз карабкался по приставленной деревянной лесенке мужчина в казённого вида кепи и куртке с блестящими металлическими пуговицами. Он со скрипом сдвинул щеколду, открыл застеклённую дверку и засунул внутрь изогнутый стержень с язычком пламени на кончике, одновременно повернув ручку торчащего прямо из верхушки столба крана. Фонарь осветился изнутри ровным жёлтым светом и до меня долетел несильный, но вполне узнаваемый запах – светильный газ, ну конечно... Работник местного коммунхоза подкрутил краник, слез на землю, взгромоздил лестницу на плечо и пошёл дальше – огонёк на кончике его рабочего инструмента отбрасывал на мостовую неровное пятно света.

На ходу я озирался по сторонам, стараясь запомнить дорогу, но вскоре бросил это занятие – дома, углы бульваров, переулки, подворотни, даже сверкающие из них жёлтыми глазами коты, которых здесь было какое-то нездоровое количество, слились у меня в голове в сплошную пёструю ленту. С некоторым опозданием я сообразил, что не смогу даже спросить дорогу у тех же «городовых», поскольку понятия не имею, как сказать по-здешнему «Белый дельфин» – разве

что, ониотреагируют на имя хозяйки заведения? Нет, следует смириться с очевидным: куда бы не увлекала меня девица-курсант – а делала она это с упорством муравья, волокущего дохлую жужелицу – обратной дороги я без её помощи найти не смогу. Разве что... да, можно вернуться в порт, благо мачты и хорошо просматриваются над крышами домов, разыскать пришвартованный «Штральзунд» и начать поиски оттуда. Но если это получится, то ни к чему и не возвращаться в таверну – ничего ценного я там не оставил, а мастер Валу наверняка сообразит, где меня искать, когда утром не застанет в комнате...

И тут наш бег по улочкам закончился. Девица остановилась возле небольшого домика из красного кирпича. Фасад его, зажатый между двумя соседними зданиями, был отделён от мостовой крошечным палисадником, от низкой кованой калитки вела к ступеням белого известняка короткая, вымощенная истёртыми каменными плитами дорожка. Пока я разглядывал дом, моя провожатая поднялась на крылечко и, повелительно махнув рукой, взялась за массивное кольцо, висящее на двери примерно на уровне груди.

В своё время я искренне полагал, что «дверной молоток» обозначает именно молоток – свисающий со вделанного в косяк двери на цепочке, которыми и надо стучать в точности, как обычным молотком по шляпке гвоздя. Но нет, на самом деле, настоящий дверной молоток – это большое кольцо,

верхний край которого укреплѣн к двери на петле, а нижний снабжѣн массивным утолщениѣм, под которым в доски вделан массивный металлический диск, играющій роль своего рода гонга. Если приподнять кольцо и ударить утолщениѣм по диску – звук привлечѣт внимание обитателей жилища не хуже дверного колокольчика или же ещё не изобретѣннаго здесь электрическаго звонка.

Подобныѣ приспособленія имѣть самую разнообразную, порой весьма изысканную отделку – например, кольцо могла держать в пасти львиная голова, или оно могло имѣть вид не кольца даже, а свернувшейся в замысловатую фигуру змеи. Это, к примеру, было отлито из тѣмной, почти чѣрной бронзы, а утолщениѣ, играющее роль собственно, молотка, имело вид драконьей головы, вцепившейся оскаленными длинными клыками в собственный хвост. Этой головой она и нанесла подряд три удара, которые отозвались в глубинѣ жилища протяжным, густым медным звоном.

Нѣсколько секунд ничего не происходило; потом изнутри донеслись шаркающіѣ шаги, в двери приоткрылась заслонка. За бронзовой решѣткой мелькнул огонѣк свечи, а потом возник глаз на старческом морщинистом лицѣ. Дверь с протяжным скрипом провернулась на петлях, и перед нами предстала женщина – типичная то ли служанка, то ли эконожка, в большом крахмальном чепцѣ, передникѣ, с измождѣнным лошадиным лицѣм. В рукѣ она держала большую свѣчу на медной подставкѣ с ручкой; судя по запаху, свѣча

была не стеариновая, а сольная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.